

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Александр Матюхин

ВОСХИЩЕНИЕ

Самая страшная книга

Александр Матюхин

Восхищение

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Восхищение / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-134987-5

Страх может подчинить. Со страхом можно бороться и одолеть его, но... страхом также можно и восхищаться. Разве не красива по-своему ведьма, которая жаждет вечной любви? А как прекрасно дерево, проросшее из сточной воды в старом подвале! Прикоснитесь к вещам, которые кто-то забыл в электричке, загляните на минутку – и навсегда – в заброшенный видеосалон. Пройдите по замерзшим каналам Петербурга и полистайте программку любительского театра возле Фонтанки. Почувствуйте страх. Почувствуйте ужас. Ощутите, как его ржавые крючья вонзаются в сердце, чтобы выудить наружу то, что доселе вам было неизвестно... ВОСХИЩЕНИЕ.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-134987-5

© Матюхин А. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предвосхищение	6
Вы скачали неправильную книгу	7
Сиянье ее глаз	16
Навсегда	29
Коридоры	40
Восхищение	48
Дальние родственники	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Александрович Матюхин

Восхищение

* * *

© Александр Матюхин, текст, 2021
© Валерий Петелин, обложка, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Предвосхищение

Два самых частых вопроса, которые мне задают: «Зачем ты пишешь ужастики?» и «Откуда ты берешь идеи?».

Ответ на первый вопрос очевиден: потому что нравится. Это самая простая причина, та морковка, за которой я следую, таща повозку с историями. Четко помню момент, когда решил написать рассказ ужасов. В голове возникла некая пугающая мысль, и от ее появления я вдруг испытал радостный дискомфорт. Это такое ощущение, когда страшно, но хочется бояться еще, продолжать. Когда, например, стоишь на краю крыши многоэтажного дома, смотришь вниз, голова кружится, перед глазами темные пятна, замуриваешься, отступаешь – и тут же становишься еще раз. Думаю, у каждого из нас есть похожие примеры.

Я сел за ноутбук и быстро набросал черновой вариант рассказа. За час родилась история, от которой у меня закололо в кончиках пальцев. В первую очередь я испугался сам, и это неудивительно. Убежден, что каждый писатель, как истинный наркоман, пишет ради собственных эмоций. Тогда же я дал почитать рассказ жене и нескольким знакомым. Услышал заветное: «Что у тебя в голове?» – и понял, что хочу поделиться этим ощущением с другими людьми.

Потому что страх, во всех его проявлениях, цепляет. И это вторая причина. Ужасы вызывают эмоциональный отклик в широком диапазоне восприятия. Не обязательно это должен быть испуг. Нет смысла в сорок лет бояться монстра под кроватью (хотя кто ж знает?). Точно так же, как вряд ли кто-нибудь в Москве, читая роман ужасов про аллигаторов, на самом деле начнет их бояться. Но эмоции все равно будут. И, в отличие от историй в других жанрах, холодные крючки ужаса могут подцепить в душе читателя что-то личное, глубокое, сокровенное. Подцепить – и выдернуть наружу.

А разве не из-за этого вообще читают подобные книги?

В общем, здравствуйте, меня зовут Александр Матюхин, и я пишу для того, чтобы испугаться самому и попытаться напугать вас. Причем второе мне нравится больше.

...Что же касается второго вопроса – откуда берутся идеи? Думаю, ответ на них у меня получилось дать в послесловии. Но не торопитесь туда заглядывать. Незачем. Ведь впереди вас ждет несколько историй из моей повозки. Может быть, их ржавые крючья зацепят и вашу душу тоже.

Вы скачали неправильную книгу

Он был худощав, небрежен в одежде, редко брился. Кофе предпочитал дешевый, купленный в ларьках у остановок, сигареты курил без фильтра. Квартирку снимал однокомнатную, в сорока минутах езды от метро, чтобы дешевле. Еще подключался к бесплатному соседскому wi-fi, когда выпадала такая возможность, и терабайтами качал книги и бесконечные сериалы.

Среди редких друзей и коллег по работе его называли коротко – Сыч, за большие зеленые глаза.

В общем-то, жизнь у Сыча была не такой яркой, как прозвище. За спиной остались университет, служба в армии, два брака и два развода, алименты и подработка грузчиком на рынке. Однажды он помог начальнику рынка отформатировать ноутбук, после чего получил предложение стать системным администратором. Времена были такие, что системных администраторов нанимали даже школьные уборщицы, но Сыч согласился. Все же лучше, чем разгружать мороженую рыбу.

С тех пор он третий год протирал штаны в небольшом офисе старого, еще советской постройки, здания в центре рынка, время от времени обходил нехитрый компьютерный парк (числом пять штук, включая дряхлый системный блок бухгалтерши тети Любы). Работа была – не бей лежачего, но платили исправно. Большую часть времени на работе Сыч читал или смотрел фильмы. Часто он оставался в офисе на ночь, поскольку добираться до дома было далеко, а тут под боком хороший диван из «Икеи», безлимитный wi-fi и кофе в пакетиках. Чем не хорошая жизнь?

Интернет давал Сычу сладкое ощущение Али-Бабы, оказавшегося в пещере с сокровищами. Вместо волшебного «Сезам, откройся» была абонентская плата, а вместо россыпи золотых монеток всегда под рукой оказывался поисковик, где можно было набрать: «книги/фильмы/музло скачать». Остальное Интернет делал за Сыча.

В одну из таких ночей Сыч решил «залить» в ноутбук книги с трекера, про запас. Где-то он прочитал, что правительство в очередной раз собирается заблокировать свободный Интернет, и поэтому качал один архив за другим, словно это были банки с тушенкой, которыми следовало забить «винт» на случай конца света.

На экране монитора как раз подвисла полоска разархивации очередной безликой серии фэнтези, когда экран вдруг моргнул. Все окна автоматически свернулись, обнажив скриншот рыжего поля в лучах заката. В центре высветилась надпись. Серый текст в черной рамке: «Вы скачали неправильную книгу».

С вирусами Сычу приходилось сталкиваться постоянно. Таков закон халявы – где бесплатные «плюшки», там обязательные вирусы, а директор рынка не спешил обзаводиться нормальными «касперскими». Приходилось качать «ломанные», которые только и умели, что предупредить об устаревших базах и стирать информацию с «винта».

На случай особо опасных вирусов Сыч держал под рукой флешку, которую ему дал барыга с рынка, Толик Кувязев. На флешке хранился автономный антивирус, который, со слов

Толика, зачищал любую вирусную дрянь под корень. Пару раз помогало, особенно когда Сыч ненароком цеплял троянов с порносайтов.

– Сейчас мы тебя... – Сыч воткнул флешку и перезапустил ноутбук в безопасный режим.

Экран залился молочным цветом, сквозь который красным шрифтом просочилась, словно джем сквозь манную кашу, знакомая уже надпись: «Вы скачали неправильную книгу».

Флешка не активировалась, а только подмигивала и вроде бы подавала признаки жизни.

– Не хотите по-хорошему, будет по-плохому. – Прибавив пару крепких слов, Сыч полез в карман за телефоном.

Толик (который, собственно, телефон и продал) клялся, что он финский, перепрошитый, хоть и стоил почему-то дешевле китайских. Впрочем, Сычу было без разницы, главное, что работал.

Телефон был «расшарен», с него Сыч мог зайти на ноутбук и по удаленке сделать всё, что нужно. А нужно было удалить злосчастный архив с вирусом. Подключившись, Сыч нашел архив, нажал «удалить» и обнаружил на экране телефона красную надпись: «Вы скачали неправильную...»

Теперь уже Сыч ругался долго и сочно. Пришлось даже подняться с дивана, сходить за сигаретами. Он курил у открытого окна, поглядывая свысока на дремлющий вокруг ночной рынок, на полную луну, на огни города, и пытался успокоиться.

– Я же тебя все равно...

С сигаретой в зубах Сыч подошел к столу, на котором пылился рабочий компьютер. Сыч его давно не включал, потому что хватало ноутбука и сотового. Сыч даже не был уверен, что компьютер вообще работает. Он вдавил кнопку на системнике, услышал тихое гудение и улыбнулся. По экрану забегала знакомая заставка. Сыч дождался загрузки, затем вставил флешку с антивирусом и указал «расшаренный» путь к сохраненным с трекера архивам книг. Флешка радостно замигала зеленым и начала проверку.

Сыч успел сделать две затяжки, а флешка мигнула в последний раз и отключилась. Экран залило молочным цветом, возникла надпись про неправильную книгу, системник жалобно взвизгнул, словно побитый пес, и затих.

Тут только Сыч понял, какая же вокруг стоит тишина. Неправдоподобная, скользкая и страшная.

Он осторожно повернулся. Показалось вдруг, что кто-то затаился в темноте.

Кабинет был пуст. Весь офисный центр был пуст, кроме разве что крохотного ресепшена на первом этаже, где охранник ночи напролет смотрел спортивные передачи по портативному телевизору.

Так откуда же возникло это странное ощущение из детства? Нелепый страх перед чудовищами, которые выползают из приоткрытого шкафа...

Сычу стало не по себе. Он привык к вечному шуму кулеров, к попискиванию системников, к миганию ноутбуков. А сейчас не работало ничего. Это «ничего» и было самым жутким.

Сыч быстро добрался до дивана и закутался в плед. Чертыхнулся, затушил и примял сигарету, бросил на пол. Почти час лежал, прислушиваясь к редким звукам вокруг, ловил далекий шум автомобилей, мяуканье кошки где-то в глубине рынка, бормотание телевизора, то скользящее сквозь стенки, то уплывающее вдаль. Без привычного шума каждый звук заставлял Сыча вздрагивать. Он так и не вынул руки из-под пледа, боясь чудищ, притаившихся под диваном.

Сны у него тоже случились страшные и неправдоподобные. Как-то раз приснилось, что экран телефона засветился, а изнутри, то есть прямо сквозь стекло, вытянулось нечто тонкое и извивающееся. Оно походило на дождевого червя, только было ядовито-зеленого цвета, с пухлыми розовыми присосками и тугими каплями слизи, стекающими по извивающемуся, дрожащему отростку. Сыч видел, как тельце червя вытягивается, становясь тоньше. Острый кончик

двигался из стороны в сторону, словно вынюхивал что-то. На кончике собиралась болотного цвета слизь. Под силой тяжести капли слизи соскальзывали вниз и шлепались на пол. В какой-то момент червь оказался очень близко к лицу Сыча. В ноздри проник запах сырой бумаги и клея, какой бывает в комнате, где только что поклеили обои. Кончик червя дотронулся до щеки Сыча, оставив на ней холодный мокрый след.

Хотелось закричать, но Сыч понимал, что не может этого сделать. Он чувствовал, как червь ползет по его лицу: от щеки к подбородку, потом по губам, по переносице, скользит по лбу и дотрагивается до висков. Сыча пробрала крупная дрожь, он проснулся и обнаружил, что плед соскользнул на пол, окно открыто, а по кабинетам гуляет морозный весенний сквозняк.

Рано утром Сыч сгреб неработающую технику и потащил все это дело к Толику. Тот был барыгой со стажем, занимался чиповкой, перепрошивкой, толкал пиратские диски, серые телефоны, чинил ноутбуки и собирал сотовые, будто конструктор «Лего», из совершенно разных комплектующих. На «точке» Толик сидел лет десять, а то и больше.

– Это, брат, у тебя вирус, – авторитетно сказал Толик, как только Сыч кратко изложил суть дела. – Встречался с такими. Пока денежку не кинешь – не разблокируют.

– Какая денежка, я даже включить не успеваю...

Толик взял сотовый, профессионально понажимал все кнопки, повертел его в руках, подключил к зарядке. Экран засветился, подмигивая надписью: «Вы скачали неправильную...»

– И больше ничего. Ни номера телефона, ни какой-нибудь фигни, чтоб, значит, разблокировать. – Сыч положил на стол перед Толиком ноутбук и системный блок. – Разберешься, а? Ты же мастер на все руки.

Мастер на все руки сел за стол, усеянный, словно место побоища, детальками, кусочками, экранчиками, шурупами, резинками, и принялся старательно разбирать телефон Сыча на составляющие. Сыч ждал. В течение получаса Толик, казалось, собрал и разобрал телефон раз десять. Потом обреченно вернул его хозяину:

– Телефон, положим, можно выкидывать. Железо убито напрочь. Дешевле новый купить. Хороший червячок, добротный. Ты куда умудрился залезть?

Сыч неопределенно шевельнул плечом. Он не запоминал трекеры. Их столько в Интернете...

– Вот. Мама всегда говорила – думай головой, прежде чем что-то делаешь. А ты чем думал? – Толик потер руки. – Остальное посмотрю в течение дня. Приходи вечером, может, что вытащу.

Сыч шевельнул плечом второй раз и вышел.

Ужасно болела голова. Это, наверное, от нервов.

На работе Сычу влетело за испорченный компьютер. Директор именно сегодня решил провести инвентаризацию и подумал, что Сыч компьютер давно продал, а деньги пропил. Пришлось пообещать, что вечером системный блок вернется на место, хотя настроение на весь день было безнадежно испорчено.

В обед Сыч плюнул на все и поехал домой. Однокомнатную квартиру на юго-западе он посещал пару раз в неделю. Делать в ней было нечего, разве что отсыпаться на праздники. Мебели – минимум. В углу компьютерный стол да диван у батареи. На кухне плита, пара табуретов и стол с посудой. Экономия, как любил говорить Сыч, должна быть экономной.

Ощущая некий информационный голод оттого, что с утра не был в Интернете, Сыч ткнул большим пальцем ноги кнопку на системнике, а сам пошел на кухню, в надежде найти в холодильнике что-нибудь съедобное и непропавшее.

В холодильнике лежали два яйца, твердый и потемневший сыр, а еще вскрытый пакет молока. То есть, решил Сыч, придется худеть, хотя бы сегодня.

На экране монитора в бледно-молочном свете подмигивала красная надпись: «Вы скачали неправильную книгу. Вы скачали неправильную книгу. Вы скачали...»

– Что за фигня? – Сыч подошел ближе, пробежался пальцами по клавиатуре. Системник пискнул. Надпись не исчезла.

Тогда Сыч вдавил кнопку выключения. Системник пискнул снова и выключился. Вентиляторы перестали кружиться. Кнопка погасла.

Монитор же продолжал работать.

«Вы скачали...»

Слова будто прозвучали внутри головы Сыча. Он вздрогнул. Буквы на мониторе принялись сливаться вместе, похожие на клубничный джем, который кто-то решил смешать невидимой рукой. Буквы сливались и сливались, пока не вытянулись в красный жгут, похожий... похожий на червяка!

Червь выпрыгнул из экрана, разрывая молочную оболочку. В стороны россыпью брызнули тугие красные капли. Сыч не успел увернуться, и червь обвил его шею, ткнулся тупым мягким кончиком в скулу, потом в щеку, еще выше, будто искал что-то – и в какой-то момент угодил в глаз.

И тут Сыч заорал!

Ноги подкосились, мир вздрогнул и наполнился серостью. Сыч упал, больно стукнувшись затылком, и принялся кататься по полу, пытаясь схватить руками извивающееся неведомое тельце.

Пальцы погружались в холодную мерзкую мякоть, но схватить ничего не могли – проникали насквозь и сжимали воздух, будто червь расклеивался на части и стремительно склеивался вновь.

Правый глаз наполнился чернотой. Сыч где-то внутри головы почувствовал хруст или чавканье и очень живо представил, как на кончике у червя, приклеившегося к глазу, открывается маленький зубастый рот и начинает высасывать его, словно белок из разбитого яйца. Сыч заорал снова, но крик быстро перешел в кашель, горло сдавило, а тело онемело. Мир потемнел наполовину. Червяк отлип и пополз по переносице, оставляя на коже Сыча влажное, холодное ощущение мерзости.

Тугое тельце сдавливало шею. Сыч лежал, парализованный, не в силах вздохнуть, и успел увидеть лишь – в подтверждение своих кошмаров, – как на кончике червя действительно распахивается что-то похожее на рот, набитое крохотными белыми зубками, – и присасывается к его левому глазу.

Где-то внутри головы снова зародился омерзительный чавкающий звук. Возникли странные видения, будто в бледно-молочном свете сыплются, не переставая, буквы. Много букв. Буквенный ливень.

Буквы сыпались перед его внутренним взором, заполняя все пространство в голове. Червь, высосав второй глаз, расслабился и обмяк.

Сыч потерял сознание.

Очнулся он от шума системного блока. Заморгал, привстал на колени, тяжело упираясь руками в пол.

Мир вокруг выглядел странно, как ни моргай. Из него исчезли цвета. Остались только контрастные – белый и черный. Белый свет сквозь окно, темные занавески, белый подоконник. Монитор светится белым, черный горшок с черным же кактусом стоит рядышком.

Что же происходит?

Сыч поднялся, ощущая головокружение, растер виски, потрогал шею (червя не было, но кожа чесалась). Потом побрел в ванную и долго умывался, сдерживая рвотные позывы.

Глаза на месте. Ни синяков, ни каких-то других признаков этого проклятого червяка.

Черно-белый мир пугал.

К окулисту, завтра же!

А сейчас – к Толику. Может, он подскажет, что это за хрень такая случилась. Двадцать пятый кадр? Может, новый вид вирусов, вызывающий галлюцинации? Как у эпилептиков, например.

На улице раскрашенный в черно-белые цвета мир выглядел так необычно, что Сыч сначала заблудился. Помогли ему надписи – вывески, указатели, названия улиц. Буквы особенно контрастно выглядели на всем остальном фоне. Буквы словно прыгали в глаза, привлекая внимание. Сыч сориентировался по названию кафе. Потом сверился с табличкой дорожного указателя, прочитал название улицы. Странно, от чтения почти перестала болеть голова.

Толик встретил безрадостной физиономией.

– Все пропало, – сообщил он. – Разве что жесткий более-менее сохранил. Держи флешку, это все, что мог добыть.

– Слушай! – Сыч пожевал губами. – Скажи мне, у вас, технарей, есть же всякие легенды. Ну там про ожившие вирусы в Сети, про вирусных червей... Что-нибудь есть такое?

Толик хмыкнул:

– Ага. Много чего есть. И еще про блуждающий разум, про искусственный интеллект, про скучающего из Сети. Тебе зачем вообще?

– Может так случиться, ну, к примеру, что в Интернете существует вирус, который, скажем, воздействует на сознание, заставляет человека видеть всякие, ну, образы?

– Может, – серьезно сказал Толик. – В фильмах или книгах. А в жизни – нет. Потому что это чушь!

Сыч отчаянно заморгал. Черно-белый Толик показался ему единственным надежным человеком, который поверит, и вообще.

– Я видел собственными глазами! – выпалил он. – Жирный красный червяк вылез из экрана и попытался меня сожрать. Высосал что-то у меня из глаз! Я сейчас как дальтоник, вижу только черный и белый цвета! И все! Ты можешь поискать, погуглить что-нибудь? Я в Интернет не полезу больше, боюсь. А ты поможешь, а?

Все это время Толик ухмылялся, но ухмылка медленно сползала с его губ.

– Ты серьезно сейчас, Сыч? Не сбрендил?

– А похоже?

– Честно говоря, моргаешь странно. И чушь какую-то несешь. Как будто травы дунул.

– Поищи просто в Интернете что-нибудь про червяков и вирусы на книжных сайтах. Больше ни о чем не прошу! Выручишь?

Толик, продолжая бормотать что-то про чушь, сумасшедших и старые интернет-легенды, согласился. Сыч долго тряс ему руку, а потом выскочил из тесного Толикова ларька на улицу.

Глаза мгновенно впились в надписи через дорогу: «Мир Серебра», «Копик», «Связной». Словно голодные псы, которым требовался кусок мяса, да пожирнее. Рот наполнился слюной, в животе заурчало. Глаза бегали от одной надписи к другой, надкусывали буквы, смаковали фразочки. Сыч чувствовал, как физически насыщается тем, что читает.

«Одинокая девушка желает познакомиться!»

«Ремонт унитазов»

«Кредит за час»

«Все по сто рублей!»

Он больше не моргал. Он впитывал надписи.

Ел.

Сыч двинулся вдоль дороги, вертя головой из стороны в сторону. Обошел рынок кругом, потом углубился внутрь.

«Шерстяные носки»

«Недорогая косметика»

«Только лицензионные фильмы, четыре новинки на одном диске!»

Глаза мелькали из стороны в сторону, как две взбесившиеся белки в колесах. Сыч ощутил приятную тяжесть в животе и сладкий привкус на губах, словно только что съел кусок творожного торта.

Он и сам не заметил, как добрел до офисного здания, поднялся на свой этаж. Директор рынка трепал его за плечо и что-то говорил. Кажется, ругался. Сыч в это время скользил глазами по многочисленным дипломам и сертификатам, которые занимали у директора в кабинете целую стену.

В какой-то момент Сыч вдруг понял, что наелся.

Вот прямо хорошо наелся.

– ...И где, мать твою, системник? – выпрыгнул из ниоткуда голос директора.

– Что?

– Ты системник обещал вернуть, да? И где он? Времени уже половина шестого, у меня бухгалтерша сидеть больше не будет. С баланса снимаю, да? На тебя?

Директор Сычу никогда не нравился. Нет, человек он был, конечно, хороший. Разглядел в свое время в грузчике сисадмина, дал кабинет, зарплату, и все дела. Но вот с точки зрения «начальник-подчиненный» директор оказался тем еще мудаком. Он считал, что раз платит деньги, то Сыч перед ним танцевать должен, ботинки ему целовать и молиться. Хорошо хоть, они с директором часто не пересекались. Тот совсем не разбирался в интернетах, компьютерах, лицензиях, а Сычу, кроме зарплаты, больше ничего от директора не нужно было. Но вот когда встречались...

– Алексей Иваныч, – нахмурил лоб Сыч, – я же говорю, не продавал. Сломалась машинка, отдал в ремонт Толику. Как починит – притащит. Если надо, я у него чек возьму за услуги, идет?

– Чек у Толика? Ага. Он тебе что хочешь напишет. Бухаете же целыми ночами вместе. – Директор выудил из кармана платок, протер вспотевший лоб. – Значит, так, Семен. Я закрываю инвентаризацию с недостачей в двадцать две тысячи рублей. Заплатишь из своего кармана, понял?

– Алексей Иваныч! Во-первых, этот хлам больше десятки не стоил...

– А во-вторых, Семен, мне насрать, где этот твой системник. Надо было предупреждать, что он в ремонте. А то распоясался...

В дверях кабинета возникла бухгалтерша Люба – пожилая дама в толстенных очках и с крашеными волосами.

– У вас ключи есть? – спросила она. – А то офис пустой, знаете ли. Чтоб не остались.

– Все есть, все есть! – Директор замахал рукой с зажатым в ней платком.

Бухгалтерша исчезла. Было слышно, как она стучит каблуками по ламинированному полу.

– Так о чем это я? – спросил Алексей Иваныч, откидываясь в кресле. – Двадцать три тысячи я с тебя удержу. А там с системником что хочешь, то и делай. Он теперь твой. Можешь Толику за десятку продать. Красная цена, да?

Сыч понуро молчал. Честно говоря, от удивительного ощущения сытости хотелось прилечь и поспать, но он сдерживался. А вот зевоту удержать не смог.

Директор, наблюдая за тем, как Сыч широко, качественно зевает, нахмурился и пробормотал:

– Тридцать тысяч сниму. За неуважение к начальству!

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Сыч машинально выудил его, провел по экрану пальцем, разблокировав, и только тут сообразил, что телефон-то, в общем, еще утром был безнадежно мертв.

Экран светился серым – что-то подсказывало, что цвет все же был молочный.

«Вы скачали...»

Что-то зашевелилось внутри головы Сыча.

Что-то зашевелилось за его глазами.

Что-то похожее на червяка.

Затылок налился усталой тяжестью, за ушами кольнуло. Глаза забегали сами собой, безо всякого контроля. Сыч выхватывал по кабинету слова, буквы – все, что можно было прочитывать, – и впитывал, будто губка, будто чтение было самым сладким десертом в его жизни. Слова надламывались и крошились, похожие на медовое печенье, которое быстро-быстро размалывает мелкими зубками некое существо, сидящее внутри головы.

– Ты вообще меня слушаешь, Семен? – разочарованно протянул Алексей Иванович. – Распоясался совсем...

Сыч и рад был ответить, но не мог. Он чувствовал, как нечто, сидящее внутри, наполняет его тело гибкими извивающимися отростками, пробирается по кровеносным сосудам, оплетает кости, рвет мышцы, растягивает нервы. Даже будто из зубов вдруг показались кончики множественных отростков, слепо шарящие вокруг в поисках свежей пищи. Прошло всего несколько секунд, а это был уже не Сыч, а извивающийся клубок из червей. Его глаза стали воронками, втягивающими слова и буквы, сознание – фабрикой по переработке информации.

Телефон с грохотом разлетелся об пол.

Сыч, дергаясь, будто пьяный в припадке нелепого танца, запрыгнул на стол с ногами. Его пальцы вцепились в рубашку директора, а глаза вдруг налились красным, вспухли и лопнули с пронзительно-чавкающим звуком. Из двух рваных дыр, сквозь кровь и желто-белую массу, стекающую по щекам и скулам, выползли два червя.

Это были откормленные черви, жирные, с блестящими боками и присосками, рассыпавшимися по телу.

Алексей Иванович дернулся, пытаясь вырвать ворот рубашки из скрюченных пальцев Сыча, но не преуспел. Один червь сложился пружиной и вдруг прыгнул на лицо, впился мягким кончиком в левый директорский глаз. Второй червь прополз по руке Сыча и юркнул под рубашку, между пуговицами.

Изо рта Алексея Ивановича вырвался тихий, ускользящий от реальности стон. Правый глаз закатился. Левый же больше всего походил на лопнувшее яйцо, в центре которого ворочался довольный жирный червь.

Второй червь ворочался под рубашкой. Кончик его тельца с присосками скользнул по шее, оставляя после себя тонкий красный след с яркими кровавыми разводами.

Хуже всего было то, что Сыч все видел. Невообразимым образом картинка плыла перед ним, словно кто-то прокручивал старое черно-белое кино на дрожащем полотне реальности.

Он чувствовал, как сотни мелких извивающихся червячков ползут по телу, гнездятся в каждой его клетке, словно нашли себе новый уютный дом и собирались обжиться в нем надолго.

Из окровавленных глазниц выскользнули еще червяки. Одним махом – порция из десятка мелких извивающихся телец белого цвета. Червяки облепили тело Алексея Ивановича и принялись за свою нехитрую трапезу – снимали лоскутки его кожи, слепо тыкались в мякоть мышц, переплетение вен, погружались глубже и глубже.

В какой-то момент у Алексея Ивановича вывалился правый глаз, а из глазницы высыпались клубком червячки. Кажется, именно тогда Алексей Иванович и умер. Он как-то сразу осел, склонил голову, шумно выпустил сквозь изъеденные губы воздух.

Прошло еще немного времени. То, что осталось от Алексея Иваныча, стало походить на огромный шевелящийся комок из червей. Сыч почувствовал приступ рвоты. Черви копошились и на его руках тоже, но не причиняли вреда. Пальцы потихоньку обрели чувствительность, он смог их разжать и осторожно сползти со стола. Дотронулся до одного из глаз, нащупал влажную впадину и угодил пальцем в извивающиеся отростки.

Вот тут-то его и вырвало. Он согнулся пополам и исторг из себя тысячи сцепившихся друг с другом червячков, вперемешку с желудочным соком, кровью и остатками еды. Вонь забила ноздри, стало трудно дышать.

Затекшие ноги подкосились, Сыч кое-как отполз в угол кабинета и затаился там, не в силах больше ничего сделать. Черви ползали внутри него. Они были за глазами, под кожей, грызли сердце и пробирались по пищеводу. Внутри их было не меньше, чем снаружи.

Скрипнула дверь. В кабинет заглянул Толик, держащий под мышкой ноутбук Сыча, а в свободной руке спортивную сумку. Толик улыбался.

– Познакомился? – кивнул он на шевелящуюся массу.

Сыча стошнило еще раз. Что-то зашевелилось внутри него, что-то большое и вязкое.

Толик присел на корточки, положил сумку и ноутбук рядом.

– Ты как вообще?

– Что, блин, происходит? У меня глаз нет!

В животе все еще что-то ворочалось. И это пугало больше, чем червяки вокруг.

– Я за этим и пришел, собственно. Объяснить, показать, привлечь.

– Чего сделать?

Толик плюхнулся на зад, прислонился к стене.

– Ты догадливый, Сыч. Я сразу сообразил, что ты подцепил эту заразу, когда еще увидел надпись в телефоне. – Он положил ноутбук рядом, перед этим любовно и даже нежно расчистив место от червяков. – Оно всегда по-разному попадает на глаза. Кто-то качает и заливает себе в «читалку». Кто-то получает архив по почте от известного адресата, кому-то приходит личным сообщением в социальной сети. Но итог всегда один – это книга, которую ты хочешь почитать. А она оказывается неправильной. Не такой. Заразной.

– То есть вирус... – Позывы рвоты прекратились. Сыч нашел в себе силы сесть рядом с Толиком.

Он ощутил, что вспотел, а лицо все горит, как у больного.

– Правильнее будет – червь. Ты же сам видишь, – ухмыльнулся Толик. – Из-за того, что он всегда приходит в виде электронной книги, мы называем его книжным червем. Такая вот ирония.

– Кто это – мы?

– Нас много. На рынке только человек двадцать. Жорика знаешь, из продуктового? Еще Арсен, который сухофруктами торгует? Ну вот. Он тоже любитель почитать.

– И что это?..

– Не знаю. Некая инопланетная форма жизни. Монстр из кошмаров. Мутант. Самозародившееся живое существо из Интернета. Можешь придумать свою версию. С версиями всегда легче жить.

В животе что-то провернулось, вызвав отрыжку. Сыч вытаращился на Толика:

– Они же внутри меня, да? И еще что-то... Большое...

– Верно. Один знакомый предположил, что эта форма жизни питается кодированной информацией. А кодировкой выступает наш язык – буквы, слова, предложения и все такое. Оно как бы жрет, когда читает твоими глазами! – Толик осторожно взял одного червяка за хвост. Червяк принялся извиваться, касаясь кончиком до подушечек Толиковых пальцев. – Внутри тебя сидит мама. Не повезло. Она дает потомство, которое питается в прямом смысле этого слова. Им нужно мясо. Вкусное сочное мясо.

Сыча передернуло.

– Мама?

– Женская особь. Она нашла укромное место внутри тебя, чтобы произвести потомство и найти ему пропитание. Через час-другой все эти червяки нажрут и исчезнут.

– Куда?

– Подозреваю, станут архивированными файликами в Интернете, которые кто-нибудь по неосторожности скачает и попытается открыть у себя на устройстве. Все ради размножения. Как в природе и положено.

Толик положил червяка на пол. Погладил собственный живот:

– У меня мужская особь.

– Это типа повезло? – На губах вновь возник горький привкус желчи. В животе беспокойно заворчалось нечто.

– Ага. Мне не надо рыгать червячками, и это радует.

– Как же ты с этим живешь?

– Не забиваю себе голову. Оно не выпускает меня за пределы рынка, поэтому я нашел удовольствие в работе. Директоров можно менять хоть каждый месяц, а вот барыга со стажем тут всего один и всегда незаменим! – Толик похлопал Сыча по плечу, второй рукой расстегнул молнию на сумке. – Хорошо поболтали, да? Душевно. Ты прости, если что.

Сыч хотел было спросить – за что простить? – а Толик уже выудил из сумки молоток на длинной ручке с блестящим массивным набалдашником и сильным резким ударом пробил Сычу череп над правым глазом.

Внутри головы Сыча что-то хрустнуло. Мир заволокло нежной, будто шаль, болью.

– Извини, я всегда оттягиваю важные слова напоследок, – говорил Толик, поднимая и опуская молоток. Череп Сыча с хрустом вминался внутрь. – Главная задача мужской особи – следить за тем, чтобы женская особь умирала сразу после того, как дает потомство. Это финал ее жизненного цикла. Ее апогей, если по-книжному. Покойся, так сказать, с миром.

Он бил и бил, методично превращая голову Сыча в кроваво-желтую кашу. Потом перешел на грудь, сломал ребра, вмял их внутрь. Увидел стремительные извивающиеся движения в области живота, и ударил сильно, наотмашь, несколько раз. Впрочем, женские особи слабы. Без питательных соков информации они быстро умирают.

Толик вытащил из сумки ноутбук Сыча, открыл его. Вчерашней ночью, при первом контакте червя с человеком, вся информация из сознания Сыча была скопирована и архивирована на жесткий диск. Толик называл это отходами. Червя нужно было место, чтобы вырасти: он расчищал сознание жертвы, создавая себе уютное гнездышко из воспоминаний, образов, эмоций.

Все это хранилось теперь на ноутбуке. Вполне себе читаемые отходы.

До утра Толик должен был наблюдать за детенышами, чтобы никто не помешал им окуклиться.

А как лучше всего скрасить ожидание? Правильно – за хорошей книгой.

Толик открыл ноутбук, нашел по поиску архив с информацией Сыча и начал читать.

Слова текли в его сознание. На вкус они были слаще сливочного торта.

«Он был худощав, небрежен в одежде, редко брился. Кофе предпочитал дешевый, купленный в ларьках у остановок, сигареты курил без фильтра. Квартирку снимал однокомнатную, в сорока минутах езды от метро, чтобы дешевле...»

Сиянье ее глаз

Мои клиенты – люди чуть за тридцать. Те самые, которые родились в середине восьмидесятых, а в лихие девяностые бегали в коротких штанишках и не успели понюхать пороху.

Про «порох» и «лихие» очень любит рассказывать Пал Палыч. Он мастер продажи страховки. Бог в дорогом костюме, с золотистыми кучерявыми волосами, ухоженный и очаровательно пахнущий. На него приятно смотреть. Был бы я девушкой, влюбился бы без оглядки.

Пал Палыч клал ноги на стол, на американский манер. Спинка кресла скрипела под его телом. Рядышком стояла обязательная чашка кофе, а в пепельнице тлела кубинская сигара. Или не кубинская, но дорогая, даже если он ее покупал на рынке возле офиса.

– Нестреляные воробы, – говорил он. – Золотая молодежь. Вступили во взрослую жизнь, когда эпоха «малиновых пиджаков», к сожалению, закончилась. Они не дрались насмерть двор на двор, не отстаивали свои права за школой при помощи металлических прутьев, не нюхали клей в пакетах и даже не знают, чем «ТТ» отличается от «ПМ». – Пал Палыч потягивал сигару, пуская густые облака сизого дыма. – В чем-то я им даже завидую. Беззаботная жизнь, смелый взгляд в будущее, стабильность и все такое. Как сыры в масле катаются.

О да. Наши клиенты.

В конце девяносто девятого Пал Палыч основал страховую компанию «Светлое будущее». Вложил в нее сбережения, накопленные в девяностые. Его друг по техникуму, наш второй директор, Игорь Сергеич, блеснул талантом и придумал гениальнейшую акцию.

Слоган акции: «Ваше здоровье – ваш капитал!»

Игорь Сергеич любил креатив. Трепетала в его душе этакая творческая жилка, не дававшая покоя.

До сих пор по Питеру висят старенькие потрепанные растяжки, с которых на прохожих смотрит здоровая и счастливая семья из трех человек. Папа – жизнерадостный мужчина лет тридцати, с аккуратной прической, в синем свитере, из-под которого торчит воротник рубашки. Мама – улыбающаяся блондинка с макияжем в стиле девяностых, одетая во что-то домашнее и уютное. И ребенок – рыжий кучерявый мальчишка с зеленовато-голубыми глазами. Он вообще ангел. Смотришь и умиляешься.

Посыл был прост. Девяностые с их криминальными разборками, перестрелками на Пушкинской и на Невском уходили в прошлое. Наступала эра стабильности, Путина, здорового образа жизни. Главная ценность, как тонко подметил Игорь Сергеич, – человеческая жизнь. Несомненно – здоровая и правильная.

– Застрахуйтесь на ближайшие десять лет, – говорил он с экранов телевизоров в купленный прайм-тайм, за десять минут до программы «Поле чудес», – и если за это время с вами ничего не случится, вы ни разу не воспользуетесь страховкой, достойно проживете десятилетие, подтвердите здоровый образ жизни, то мы заплатим вам два миллиона рублей! Мы поддерживаем нацию. Мы поддерживаем русский народ!

Фишка Игоря Сергеича была в том, что он уютно улыбался. Еще у него были красивые глаза, которые хорошо смотрелись по ТВ. Очень хотелось доверять этому человеку. После рекламы в «Светлое будущее» обратились сотни клиентов.

Дальше в дело вступал Пал Палыч.

Он объяснял клиенту суть акции. Необходимо застраховать жизнь на десять лет. Первоначальный взнос небольшой – двадцать пять тысяч рублей. Существует ежемесячный платеж в пятьсот рублей. Сумма каждый год индексировалась (к две тысячи девятому, когда подошло время выплат первым клиентам, сумма ежемесячного платежа выросла до двух с половиной тысяч). По истечении десяти лет с момента заключения договора, если все условия были выполнены, клиенту возвращалась сумма взносов, компенсировались расходы и выплачивалась премия «За здоровый образ жизни» в размере тех самых двух миллионов.

Пал Палыч умел продавать страховку. Ни один клиент за пятнадцать лет работы не ушел от нас. Никто не пожаловался. Были даже те, что уже успели получить назад свои деньги и засветиться по телевизору.

– А все почему? – спрашивал Пал Палыч, докуривая сигару. – Потому что люди перестали бояться. Десять лет – короткий срок. За это время ничего не может случиться, не правда ли? Каждый из этих молодых людей считает, что в наше-то время никто не устроит стрельбу в центре города, а угодить под случайную пулю сложнее, чем заболеть какой-нибудь африканской лихорадкой. Наивные люди. Мне они нравятся.

Каждую пятницу я сдавал Пал Палычу отчет по клиентам.

Я вел в компании так называемых «счастливиц», тех, кто заключал договора в начале двухтысячных и почти подобрался к порогу своего здорового десятилетия. Как правило, каждый квартал выскакивало два-три «счастливицы».

Я сидел в квадратном аквариуме, где три стены из четырех были из стекла, и прекрасно видел приемное отделение (четыре менеджера с компьютерами, охранник, стойка регистрации). Я очень любил наблюдать за посетителями. Граждане, которые приходят страховать свои жизни на десять лет вперед, как правило, выглядят счастливыми. Они уверены в завтрашнем дне, считают себя бессмертными, здоровыми, умными и умеющими обмануть жизнь. А еще они гонятся за легкими деньгами. Это как сыграть в беспроигрышную лотерею, в которой всего-то нужно не менять образ жизни, смотреть по сторонам, когда переходишь дорогу, и верить в то, что твое сердце достаточно хорошо работает, чтобы протянуть еще три тысячи шестьсот пятьдесят дней. Милые наивные люди. Они думают, что на финише получают суперприз. Два миллиона рублей – это не та гигантская сумма, которая позволит решить все проблемы, но достаточно привлекательная, чтобы попробовать.

Мне приятно смотреть на их светлые, наивные лица, следить за движением их губ, считать их улыбки. Сейчас этим людям двадцать или около того. А через десяток лет они станут моими клиентами.

Мир в стабильности – что может быть лучше?

В отчете по клиентам на этой неделе у меня значилась всего одна строчка.

Женщина, тридцать два года, не замужем, детей нет. Живет в квартире, которую купили родители. Банальное в своей простоте имя – Екатерина. Работает менеджером в какой-то средней фирмочке, продает кексы из Финляндии в торговые сети. Скучная, должно быть, жизнь.

С фотографии в анкете на меня смотрело молодое красивое лицо. Светлые волосы, большие глаза, пухлые губки. И почему одна, интересно?

В феврале две тысячи пятого купила страховку по акции, с тех пор исправно вносила в фонд компании ежемесячные взносы. Образцовый клиент. Через четыре месяца исполнится ровно десять лет с момента заключения договора... я пробежал на калькуляторе по суммам

выплат... Девочка сможет купить себе однушку где-нибудь на границе с Ленобластью, ни капли не напрягаясь. Молодчина. Десять лет здорового образа жизни. В чем-то я ей даже завидовал.

На машине до ее дома ехать чуть больше полутора часов с учетом зимних питерских пробок. Я оставил автомобиль во дворах за несколько кварталов, а сам прогулялся по тихим заснеженным улочкам спального микрорайона. Чувствуется в питерской зиме какая-то сказка. Хочется вздохнуть полной грудью, загрести рукой снега, смять его в тугой комок и бросить в чье-нибудь облепленное бумажными снежинками окно.

Пал Палыч любил повторять, что для многих людей жизнь – это и есть сказка. А два миллиона рублей – мечта. Сказки всегда должны заканчиваться хорошо, останавливаться на каком-то моменте, когда все счастливы и никто не думает о том, как будут развиваться события дальше. В сказках необязательно, чтобы мечта сбылась. Главное – ощущение счастья от прикосновения к этой мечте.

– Мы продаем людям сказку, – говорил бог с золотыми волосами. – Они живут в сказке десяток лет, шаг за шагом приближаясь к мечте. За три-четыре месяца до того, как мы должны выплатить им деньги, люди абсолютно и безоговорочно счастливы. Это ключевой момент их жизни. Самое лучшее мгновение. Хочется поставить его на паузу и написать «КОНЕЦ», потому что осталось немного, а потом вряд ли станет лучше.

Он, безусловно, был прав.

Я дошел до нужного подъезда, разблокировал электронный домофон. Дом был старенький, панельный. Внутри классика – мутная лампочка, зеленые батареи, на полу листовки: «Интернет за 0 рублей», «Чиню окна», «Сниму порчу». На коричневых дверцах лифта маркером написано, что Оля с третьего этажа – шлюха.

Я запрыгнул в лифт, поднялся на девятый этаж. Набрал на телефоне номер.

Гудок, еще один, женский голос:

– Да, слушаю?

– Катя? – Я улыбнулся. Люди чувствуют, когда им улыбаются.

– Да, верно. А вы?..

– Артем, Артем. Не узнала, что ли, красавица? Я, это, поднимаюсь. Ты ж ключи от офиса забыла. Кто завтра откроет? – Я остановился напротив ее двери. Сказал в трубку радостно: – Звоню!

Вдавил кнопку звонка. Почти мгновенно щелкнул замок. Дверь приоткрылась.

На вид и не скажешь, что ей за тридцать. Милая девушка, ухоженная, симпатичная. Одета в футболку и джинсы. На ногах розовые – розовые! – тапочки.

Я не дал ей времени сообразить, что не существует никакого Артема. Тяжело навалился на дверь, толкнул, ворвался внутрь. Одной рукой зажал рот, второй ударил кулаком в солнечное сплетение, сбивая дыхание. Ногой закрыл дверь. Екатерина (Катя, Катенька) выпучила глаза, я помог ей сесть на пол, а потом взял ее красивую голову двумя руками и сильно ударил о стену. Брызнула кровь, девушка едва слышно вскрикнула и осела, потеряв сознание.

Пал Палыч прав, когда говорит, что нынешние люди живут не нюхнув пороха. Они перестали бояться. Они превратились в наивных и доверчивых.

Я оттащил Катеньку в кухню, уложил возле двери на балкон. Потом плюхнул на стол спортивную сумку. Расстегнул молнию.

Внимание – акция. Пал Палыч любит, когда приходит подробный недельный отчет. Это его увлечение – читать то, что пишут сотрудники. Надо закрыть все графы, проставить все галочки и заполнить комментарии. Победителю – приз.

Пал Палыч отобрал меня из сотни рыжих голубоглазых мальчиков. Не знаю, чем я так выделялся, но точно помню тот момент, когда он склонился надо мной, такой большой, добрый, златовласый и приятно пахнущий.

– Как звать? – спросил Пал Палыч.

– Коля, – ответила моя мама. – У него уже есть опыт, он у нас снимался в рекламе, да, Коля?

Мама нагло врала. До этого я снимался один раз, у маминой знакомой. Меня посадили в обнимку со слюнявой собакой и велели улыбаться. Это была реклама собачьих консервов, которая никогда не увидела свет. Но мама взяла у знакомой образцы, распечатала их и говорила всем, что ее сын – звезда рекламы.

Пал Палыч потрепал меня по голове и сказал:

– Отлично, годится!

В двухтысячном, то есть пятнадцать лет назад, я стал официальным лицом страховой компании. Растяжки и плакаты пестрели по всему Петербургу. Кто-то несколько раз даже узнавал меня на улице. В общем, то был пик славы.

Я фотографировался для рекламы «Светлого будущего» четыре года. Потом Пал Палыч решил, что достаточно заявил о себе, и принялся собирать урожай клиентов. Я не устану повторять, что он бог продажи. Даже моя мама купила страховку.

Сниматься я начал в девять, а закончил в тринадцать. Еще через год мама, придя домой, обнаружила, что я выколол глаза нашему коту, крохотному сиаму по кличке Блэк. Я не любил Блэка: он вечно мяукал под дверью моей комнаты, а еще надо было выгуливать его по вечерам. Но глаза я выколол по другой причине. Я хотел хорошенько их разглядеть.

Признаюсь честно, глаза – это моя страсть. Я готов разглядывать их бесконечно. Голубые, коричневые, темно-синие, черные, с крапинками и без, с округлым ободком, с большими или, наоборот, маленькими зрачками. Есть что-то во всем этом многообразии... завораживающее.

Я любил ловить взглядом сиянье чьей-нибудь радужной оболочки. В радужке отражался я сам – крохотный и заинтересованный.

Радужка – от слова «радость», верно? Мне хотелось разглядеть эту самую радость, поймать ее, насладиться ею. Можно назвать это увлечением. Хобби.

Да, я псих ненормальный. Мама вдолбила это несложное словосочетание с поркой. Пощечины сыпались рекой. Я помню, как болталась моя голова, готовая вот-вот оторваться, а щеки налились красным и болели так, словно по ним провели наждачной бумагой. Мама была специалистом по порке и пощечинам. Я бы дал ей первое место в каком-нибудь чемпионате, где за порку ребенка можно было бы получить золотой ремень с гравировкой на бляхе.

Псих ненормальный – это про меня. До четырнадцати лет, за каждую мало-мальскую провинность, звонкий – шлеп! – удар ладони по щеке. Вопль:

– Ты с ума сошел? Псих! Я из тебя вышибу дурь-то!

Главное, что я усвоил в детстве, – никогда не показывай, что ты чего-то не усвоил. Хорошая пощечина и удар ремня по голой заднице должны убедить маму, что она тебя *воспитывает*. Тогда следующие пощечины будут слабее, да и штаны можно не спускать.

Именно поэтому я больше не допускал промахов с котами. Я извлекал их глаза в подвале нашего дома. Дверь в подвал под лестницей всегда была открыта. Внутри было тепло и влажно, пар облизывал мое лицо. Я уходил по коридорам вдоль больших труб, обмотанных стекловатой, прятался в укромном уголке, на изломе света желтой лампы и черноты, и, только убедившись, что поблизости действительно никого нет, вынимал из рюкзака кота и ножницы.

За год с небольшим я тщательнейшим образом изучил глаза двенадцати котов.

Глаза – это снежинки души. Неповторимые и завораживающие. Встаньте перед зеркалом. Всмотритесь в радужную оболочку. Впитайте ее нежную разноцветную мякоть, искристые линии, влажные изгибы. Насладитесь непревзойденным узором, который пульсирует и дрожит в ответ на любое ваше движение. Этот глаз уникален. Другого такого не будет в мире. Светло-коричневый с голубыми волнистыми жилками. Или, быть может, тускло-оранжевый с треугольными серебристыми изгибами. Синий с зелеными волнами и набухающими желтыми

точками? Какой угодно. За ним, за вашим глазом, скрывается душа. Тоже уникальная и неповторимая.

О, как же я хочу в нее заглянуть.

– Катерина, вы прекрасны, – говорил я, склонившись над девушкой.

Ее глаза завораживали. Горчичного цвета, с крохотными, едва уловимыми синеватыми узорами. Кровеносные сосуды, утонувшие в меланине. Смотреть в эти глаза – словно проваливаться в сон.

Я специально отрезал веки, чтобы Катя не могла моргать. Мне хотелось насладиться.

Я пошел к кухонному столу, на котором разложил инструменты.

Катю я привязал к батарее. Ноги крепко затянул скотчем. Голову зафиксировал. Рот заклеил.

Ее глаза наверняка упругие и чуть мягкие, как идеально зрелые виноградины. Очень хотелось подержать их в руках.

Чтобы глаз был идеальным после извлечения, его нужно подготовить. Впрыснуть фиксирующий раствор, дождаться, пока глаз онемеет. Я не жестокий человек, и не люблю, чтобы люди мучились. Но, к сожалению, идеальный глаз – глаз живого человека. До извлечения.

Я взял со стола шприц с раствором. Рецепт его в Интернете не найти. Я подобрал раствор методом проб и ошибок. Что-то среднее между формалином и закрепителем для старых фотокарточек. Сохраняет живую гибкость глаза, фиксируя ткани, даже когда они уже повреждены. Просто надо подождать около девяти минут.

Катя глухо замычала. Она обо всем догадалась, конечно. Даже кошки догадывались.

– Просто будет немного жечь, – говорил я, подходя ближе и присаживаясь перед Катей на корточки. – Я бы на твоём месте не дергался и смотрел перед собой. Если что-то пойдет не так, гарантирую адские боли. Раствор должен попасть аккурат в центр. Слышишь меня?

Легонько похлопал ее по влажным от слез щекам. Моя мама никогда так нежно не била.

Я осторожно приблизил тонкую иглу к ее левому глазу. Самый важный момент. Задержал дыхание. Катя попыталась отвернуться. Скотч натянулся. Свободной рукой я крепко схватил девушку за подбородок.

Игла вошла в зрачок примерно наполовину. Я надавил на клапан. Катя выгнулась и начала мычать – мучительно долго, беспрерывно, до истощения.

Я пошел за вторым шприцем.

Через девять минут можно будет воспользоваться медицинскими щипцами и чайной ложкой.

На следующее утро я дописал отчет. Пал Палычу необязательно знать подробности. Он не очень-то вникал в мои отношения с клиентами страховой компании. Важно, что я делал свою работу и делал ее хорошо. Но я знал, что Пал Палыч обожает читать отчеты. Поэтому добавлял что-нибудь от себя, из фантазий и предрассудков.

Нас было шестеро таких. Внештатные сотрудники: консультанты, фрилансеры, сисадмины. Это по договорам. А на деле – люди, закрывающие неликвиды. Пал Палычу было невыгодно платить два миллиона рублей каждому, кто не успел попасть под автомобиль или удачно сломать себе ноги.

– Если бы каждый человек проживал десять лет без единой царапины, я бы умер нищим, – говорил Пал Палыч.

Клиентов было много, каждый платил страховые взносы и стремился к той самой заветной мечте. Часть из них (процентов двадцать пять) не справлялись с задачей и оформляли страховые случаи. Другая часть (чуть больше тридцати процентов) переставала платить или по каким-то иным соображениям выбывала из гонки. Оставалась третья часть, последние сорок

пять процентов. Они держались до победного. Когда подходил срок, приходилось им платить. И вот тут возникал деликатный момент: платить всем Пал Палыч не хотел.

В начале каждого финансового года мы собирались в его кабинете и составляли план по клиентам. «Счастливики» были на мне – те, у кого подходил срок. Потом еще были «спринтеры» – их устранили на пятом году страховки – и «неудачники», те, кому просто не повезло оказаться на кончике карандаша Пал Палыча. Все они должны были исчезнуть, согласно годовому плану, и превратиться в еще одну строчку еженедельного отчета.

Это сохраняло баланс компании и приносило каждому из нас неплохой доход.

Каждый отчет я составлял с невероятным удовольствием. Это вам не тыкать по кнопкам, придумывая отговорки или щедро рассыпая по тексту канцеляризмы. Тут надо знать, о чем пишешь. Хотя история с глазами оставалась за кадром, радужные оболочки с их бледным сиянием и капельками души стояли перед моим внутренним взором.

Катины глаза я тоже хорошо помнил. Даже когда поставил в отчете последнюю точку.

Через большое стекло мне было отлично видно нашу приемную. Из четырех менеджеров на месте только двое. Время обеда, все дела.

Входная дверь открылась, вошла девушка в темных очках и пуховой куртке, в брюках, коричневых сапожках. Типичный молодежный стиль. На плече – коричневая же сумка, по привычной женской моде очень большая и явно неудобная. Светлые волосы спадают на лоб, на затылке собраны в хвостик...

...Я сообразил, что пялюсь на нее во все глаза.

Катя, Катя, Катерина, мать ее.

Те же лицо, волосы, прическа. Та же походка и одежда. Сумка эта...

Девушка огляделась (я похолодел, забыв, что со стороны приемной мое стекло – всего лишь большое зеркало), направилась к одному из менеджеров. Спросила у него что-то. Менеджер беззаботно кивнул в мою сторону.

Никогда не чувствовали себя загнанным зверем?

В затылке разлилась тяжелая тупая боль. Кончики пальцев задрожали. Я крепко сжал левой рукой карандаш, поднес его ко рту, погрыз тупой конец, заканчивающийся ластиком.

Если Катя сейчас войдет, я воткну ей этот карандаш в глаз. Прямо сквозь очки. А потом убегу. Буду бежать долго-долго, пока не умру. Есть ли другой выход?

Прошедшую ночь я провел в Катиной квартире, наслаждаясь сиянием ее мертвых глаз. Я все еще искал капельки души. Вглядывался. Рассматривал.

...Катя направилась в мою сторону...

Она не могла выжить. Я лично раскидал шесть мешков для мусора по разным свалкам города. А горчичные глаза теперь лежали в моей коллекции. Я попрощался с ними, когда выходил сегодня из дома.

...Шаг, еще один. Катя прошла мимо, остановилась у двери Игоря Сергеича. Постучалась, зашла внутрь...

Выдох.

Всегда имеется разумное объяснение.

Я склонился над ноутбуком. Открыл Катину папку, пробежался по файлам. Поиск – дата – просмотр – Интернет – поиск – анализ.

Вариант первый – я перепутал клиента. Убрал кого-то не того, похожего. Какую-нибудь Катину подругу. Ну, предположим, подруга заскочила в гости, держала под рукой телефон с Катиным номером, носила ее вещи, и цвет глаз у них совпадал. Звали ее, например, Вера или что-то вроде того.

Вариант второй – Катя ожила. Бывает же так, что разделанные на множество частей люди оживают. Особенно в каких-нибудь фильмах ужасов. Я ухмыльнулся.

Вариант третий – у Кати есть сестра-близнец. Такая, которая не упоминается ни в одной анкете, ни в одной записи ЗАГСа, нигде и никогда не светила на фотографии со своей сестрой, не упоминалась в телефонных разговорах, не имеет странички в «Фейсбуке» или блога в ЖЖ.

Честно говоря, по сравнению с первыми двумя вариантами этот показался правдоподобным. Я потерял виски, пытаюсь задавить тугую, глухую боль.

Как-то не сходилось.

Спустя несколько минут дверь кабинета Игоря Сергеича отворилась. Катя прошла по коридору, обратно в приемную, задержалась у менеджера, что-то спросила, кивнула и вышла.

Я рванул следом. Толкнул плечом дверь, вывалился на улицу, огляделся. Коричневые сапожки выделялись на белоснежном покрывале нечищеного зимнего тротуара. Катя подошла к автомобилю – ярко-красному «Рено-Сандеро», открыла дверцу.

Вдруг в голове мелькнула мысль: я не увидел ее глаз. Эта мысль зародилась и начала жечь, словно я прислонил палец к нагревающейся конфорке да все никак не хотел его убирать.

Какого цвета ее глаза? Что скрывается за темными очками? Что-то редкое, ценное и красивое? Может быть, там будут те же самые глаза, которые я видел вчера?

Может ли такое случиться?

Я бросился к своему автомобилю, перебежал через дорогу, срезая путь, запрыгнул в салон. Все это время я не сводил взгляда с Кати. Она села в авто, завела мотор.

У меня дрожали руки. Я глубоко вздохнул, стараясь справиться с волнением.

Кем бы там она ни была – Катей, ее двойником, призраком, черт бы его побрал, – я разберусь. Мне просто надо будет заглянуть в глаза.

Вообще говоря, я не собирался убивать людей. Мне хватало кошек. Может быть, я бы вообще подавил скрытое желание разглядывать чьи-то радужки, пытаюсь откопать в них сакральный смысл бытия. Не знаю. Жизнь не повернуть вспять, а исправить какие-то поступки чрезвычайно сложно.

Я точно помню тот момент, когда совершил свой самый главный поступок: однажды ночью Пал Палыч пришел за моей мамой.

Как я уже говорил, мама тоже купила страховку и исправно платила взносы почти пять лет. Она попала под категорию «спринтеров», стала строчкой в отчете, пустым окошком для комментариев, которое следовало заполнить.

Пал Палыч в то время еще только начинал регулировать доходы компании таким вот способом, поэтому действовал самостоятельно.

Он, конечно, бог в продаже страховки, но убивал людей скверно. Я проснулся оттого, что в зале слышались возня, сопение, грохот передвигаемой мебели. Я вышел из спальни, прошел по темному коридору, который разрезало надвое прямоугольное пятно света из комнаты, и увидел Пал Палыча. Я хорошо знал его. Мы висели с ним бок о бок на многих плакатах вдоль Невского и Обводного, на Фонтанке и даже на здании Мариинского театра.

В центре зала Пал Палыч навалился и подмял под себя мою мать. Она отчаянно колотила Пал Палыча руками и ногами. Его хватило только на то, чтобы зажать маме рот. Коленкой Пал Палыч пытался надавить ей на грудь. Кучерявые волосы его растрепались, лицо покраснело. В свободной руке он сжимал молоток с большим тупым набалдашником. Следовало ударить маму по голове – делов-то, – но Пал Палыч никак не мог с этим справиться.

И тут мама выгнулась и повернула голову в мою сторону. Кажется, она успела крикнуть. Или попросила о помощи. Я не помню точно. Я увидел ее выпученные глаза. Впервые я заметил, что у нее голубые радужки, яркие на фоне молочных белков, с какими-то крапинками и извилистыми линиями. Мне вдруг отчаянно захотелось взять эти глаза в руку. Поднести их ближе. Добавить в свою коллекцию.

Желание было столь острым, что я не удержался. Подбежал, схватил со стола вазу и ударил ею маму по голове. Ваза разлетелась на осколки. Мама сипло вздохнула и обмякла под весом Пал Палыча.

– Бейте, – сказал я спокойным голосом. – Молотком в висок, посильнее. Только глаза не трогайте.

Во взгляде Пал Палыча читался ужас. Я видел это.

Он взмахнул молотком и опустил его – хруст! – поднял и снова опустил. По полу рассыпались капельки крови. На набалдашнике повисло что-то длинное и красное.

Когда Пал Палыч закончил, он отвалился от тела, словно объевшаяся пиявка – весь в крови, большой и толстый. В тот момент он не походил ни на какого бога.

– Пацан, ты в своем уме? – спросил Пал Палыч хрипло.

Он не назвал меня «психом ненормальным», и это было великолепно.

– Она умела пороть, – произнес я. – Если вы сообразите, что сказать милиционерам, я готов спрятать тело. По рукам?..

Тело я спрятал так хорошо, что его до сих пор не нашли. На маминых глазах (вот уж каламбур так каламбур) я провел первый опыт консервации, увы, unsuccessful. Глаза превратились в лохмотья через неделю.

А через месяц мне позвонил Пал Палыч. Голос у него был уже не хриплым.

– Пацан, – сказал он (я представил чашку кофе на его столе и дорогую сигару в уголке губ), – не хочешь на меня поработать?..

Я ездил за Катей по всему городу.

Она вырулила на Фонтанку, доехала до Невского, свернула в сторону Казанского собора. Припарковала машину в переулке и направилась в «Шоколадницу».

Знакомая походка, движения, грация.

Я зашел с планшета на рабочий стол офисного компьютера, вновь открыл папку с Катиными файлами. В сотый раз пробежал взглядом по анкетам, собранным материалам, по отсканированным страницам агентского соглашения десятилетней давности.

При составлении годового плана мы всегда опирались на объективные факторы. Это важно. Наличие у «счастливчика» слишком близких родственников, друзей – молодых активистов, публичный образ жизни – все это в сумме могло подарить человеку жизнь (а в лучшем случае – и деньги). Так вот, у Кати не было подруг. По крайней мере, вряд ли бы я не узнал о подруге, прописанной в Катиной квартире и оформившей доверенность на получение ее средств.

Откуда тогда взялась эта девица в темных очках?

Очки, кстати, не давали мне покоя.

Набрал по телефону номер работы Кати, дождался, когда сменится черед гудков, и чей-то женский голос спросил:

– Алло?

– Катерину можно?

– Какую?

– У вас много Катерин?

– Ни одной, – отозвался женский голос. – А вы куда звоните?

– И даже никто с таким именем не работал, ну, десять лет назад?

– Нет у нас никаких Кать, – буркнули из трубки и оборвали связь.

Я долго тарачился на отчет.

Катя вернулась из «Шоколадницы», уехала с Невского, колесила по городу, непонятно, с какой целью. Я упорно следовал за ней, ощущая острое желание подрезать этот красненький, типично женский автомобиль, выскочить, содрать с Кати очки и посмотреть ей в глаза.

Через час блуждания по центру города Катя поехала по направлению к спальным микрорайонам на севере. Я сверился с навигатором. Кажется, мы ехали туда, где я прекрасно провел минувшую ночь.

Еще через двадцать минут мы действительно въехали в микрорайон, в путаницу улочек и узких дорог среди многоэтажек, возведенных здесь в девяностые.

Я срезал на повороте, проехал под аркой, въехал в знакомый уже двор. Если я не ошибаюсь, то сейчас ее автомобиль покажется справа, между двух кирпичных домов...

Так и есть.

Я вышел, неторопливо направился к нужному подъезду. Втянул голову в плечи, убрал руки в карманы. Набрал Катин номер на домофоне и стоял, вслушиваясь в протяжные гудки. Никто ведь не должен поднять трубку с той стороны, верно?

А сердце-то колотилось.

Почувствовал, как сзади подошла Катя, уловил аромат ее духов. Отодвинулся. Увидел красивые тонкие пальчики. Пискнул замок. Я потянул на себя дверь и пропустил девушку вперед.

Ну что может угрожать ей ранним вечером, когда еще солнце не закатилось за горизонт?

Дверь щелкнула, отрезая дневной свет. В старых подъездах всегда слишком много сумрака.

Я ударил Катю по затылку молотком. Подарок Пал Палыча после той первой, памятной ночи. Всегда держу под рукой на всякий пожарный.

Девушка вскрикнула, а я схватил ее за плечи, развернул, ударил сначала по носу, ощущая хруст под костяшками пальцев, потом в живот, сделал подсечку и уронил на пол.

Времени не было деликатничать.

Я схватил ее под мышками и протащил по грубому щербатому полу к грузовому лифту. Нажал кнопку девятого этажа. Ключи от квартиры у меня имелись.

Пока поднимались, присел на корточки и содрал наконец с окровавленного лица очки.

Карие глаза! Карие! Это Катя! Каким-то образом возникшая вновь!

На самом деле у нее были зеленые глаза. Болотные. Эти глаза делали лицо немного иным. Искажали его.

– Вы меня убьете? – как-то равнодушно спросила девушка, вытирая кровь тыльной стороной ладони.

Я кивнул. Лифт остановился, дверцы распахнулись.

Мне не нравилось убивать людей. Тем более если это не приносило видимой пользы. Болотные глаза невозможно будет сохранить, и это меня немного расстроило.

Я взмахнул молотком и оборвал зародившийся тонкий вскрик.

Когда выходил из подъезда спустя сорок минут, какая-то мысль продолжала сверлить мозг. Кажется, я что-то упустил. Вот только не мог понять, что именно.

Я вернулся в офис, набрал Игоря Сергеича по внутренней связи, но тот не отозвался.

Тогда я открыл отчет, дополнил и расширил комментарии. Заварил кофе. Прошелся по кабинету, разглядывая корешки папок, проверяя наличие бумаги в принтере, поглядывая на приемную сквозь стекло.

Взял ноутбук, свалился с ним на диван в углу кабинета, задрал ноги на мягкую спинку. Снова порылся в Интернете, пытаюсь отыскать информацию в открытых источниках.

Мысли копошились как муравьи. Проклятые безумные мыслишки.

Две девушки с разными глазами. Одна квартира. Одна походка. Одни и те же запахи, изгибы тела, грудь, цвет лака. Я знал, о чем говорю. Я видел их обеих.

Псих ненормальный. Что из этого могло тебе померещиться? Может, не было вчера никакого убийства? Может быть, это всего лишь сон?..

Набрал городской номер телефона Катиного отца. Он жил где-то в Ставропольском крае. Долгие гудки с треском и шипением. Я терпеливо ждал. Щелчок.

– Да?

– Петр Евгеньевич?

– Вы ошиблись.

Трубку положили.

Я набрал снова. Во второй раз попал туда же, то есть ошибся. Никакой Петр Евгеньевич, пятидесятишестилетний Катин отец, сварщик, разведен, по данному номеру не значился.

Едва дождался окончания работы. Заехал домой, прихватить инструменты. Долго стоял в темноте коридора, не решаясь войти в квартиру. Мне вдруг стало казаться, что в этой зимней черноте может скрываться странная девушка, глаза которой я успел вырезать уже дважды.

Она смотрит на меня, затаившись, наблюдает. Ждет.

Потом я включил свет, быстро набросал в сумку инструменты. Застыл перед коллекцией сияющих глаз. Баночка к баночке. Одна за другой. Несколько совершенных рядов.

Я увидел Катини глаза, горчичного цвета, свежие и еще не угасшие. Настоящие. Никакого сна. Все наяву.

Подхватил сумку и бросился вон из комнаты. Мне начинало казаться, что кто-то смотрит в спину. Пристально и очень недоброжелательно.

Говорят, убийца всегда тянет на место преступления, но я не хотел возвращаться в Катину квартиру. Если бы не труп девушки в ванной, ноги бы моей там не было.

Всю дорогу я ощущал спиной чей-то взгляд. Среди вороха противоречивых убеждений я откопал одно, которое показалось правдоподобным: случаются странные совпадения – и это один из примеров. Жизнь разнообразна и многогранна, как радужная оболочка глаза.

Я поднялся на лифте на девятый этаж и застыл перед дверью, не решаясь ее открыть.

Все же крутилась в голове какая-то мысль. Не давала покоя. Казалось, я могу ухватить ее за хвост, но никак не получалось.

Открыл замок. Вошел.

Темный коридор и тишина. Я видел комнату, в которую, сквозь окна за прозрачными занавесками, лился желтоватый свет. Неподвижные предметы интерьера. Каждый мой вздох эхом разносится по пустой квартире.

Я включил свет, разгоняя тени. Положил сумку на пол, прошел по коридору не разуваясь.

Снова чей-то взгляд. Оглянулся – никого.

Зашел в ванную, щелкнув выключателем. В обед я оставил здесь вторую Катю, залив ее обнаженное тело холодной водой.

Вторая Катя – какая смешная фраза...

Тела в ванне не было. Только желтоватая вода, едва покрывающая шерботое эмалированное дно.

Глаза цвета болота.

Я стоял и смотрел на пустую ванну. В голове шевелилась тяжелая, просыпающаяся мысль.

Я вспомнил, у кого еще были точно такие же болотные глаза – у Игоря Сергеича. Я заглядывал в них каждый день и иногда размышлял, что они неплохо бы смотрелись в моей коллекции.

На лице Катерины они тоже выглядели вполне себе гармонично...

Меня ударили чем-то тяжелым. Из глаз брызнули слезы, ослепляя. Свет погас. Я ощутил, как падаю, а потом тяжело, больно ударился челюстью о кафельный пол ванной. Меня ударили еще раз. Что-то хрустнуло. Внутри головы расцвел ослепительно-белый шар. Я потерял сознание.

Каждый из нас был чем-то увлечен.

Пал Палыч составлял планы и читал отчеты, Игорь Сергеич придумывал бизнес-идеи, я коллекционировал глаза.

Люди вокруг тоже увлекаются чем-то.

Любишь подсматривать за обнаженными людьми? Наверное, это хорошо расслабляет после работы.

Пьешь пиво каждый день? С нашей-то жизнью и не так запьешь.

Ходишь от жены к любовнице? Видимо, любовница умеет что-то такое, чего не умеет жена.

Я смотрел на девушку и не мог сообразить – в чем ее увлечение?

Круглое лицо, вздернутый нос, светлые локоны спадают на лоб. На глазах – темные очки. Чуть приоткрытые губы обнажают два верхних зуба.

Она беззаботно вытаскивала из моей сумки один предмет за другим, разглядывала его и отбрасывала в сторону. Жгуты. Пила. Мешки для мусора. Сверток клеенки. Упаковка шприцев. Перчатки. Освежитель воздуха.

Упаковка шприцев девушку особенно заинтересовала.

Я подумал о том, что если бы мог пошевелиться, то давно оторвал бы ей голову. Пока я был без сознания, девушка прикрутила мои руки к трубе в ванной моими же пластиковыми стяжками, а ноги крепко связала скотчем. К тому моменту, как я очнулся, ноги сильно затекли и в бедрах покалывало.

Она вскрыла упаковку, достала один шприц. Прикрутила к нему иголку.

– Отличная штука, – сказала девушка, и голос у нее оказался такой же беззаботный, как и внешность. – Ты знаешь, что в человеческом глазу нет болевых нервов? Тех самых штук, которые заставляют людей испытывать боль?..

– Ты кто такая? – сухо спросил я.

– ... когда человеку протыкают глаз, ну, скажем, иголкой, то он не чувствует боли. Вернее, не должен ее чувствовать, – продолжила девушка. Она присела на край стиральной машины, весело болтая ногой в коричневом сапожке. Я видел капли крови на ее белой рубашке и на брюках. Кровь, которая осталась на этой одежде еще со вчерашней ночи. – Фишка в том, что человек способен сам себе нафантазировать боль. Придумать ее. Создать настоящую. Таковую, которая заставит орать и корчиться, хотя на самом деле ни один нерв не будет задействован. Забавно, правда?

– Ты близнец какой-нибудь? Шизанутые сестры, которые решили меня проучить?

Голова раскалывалась от боли.

Скверная ситуация.

– Я всего лишь ваша клиентка, – отозвалась девушка. – Ни больше ни меньше.

Она оттянула клапан шприца и резко на него надавила. Воздух вышел из иголки с тонким тихим звуком. А девушка продолжила:

– Вы, конечно, хорошая страховая компания. Платите деньги, поддерживаете здоровый образ жизни, и все дела. Но, кроме вас, есть еще и другие компании. Десять лет назад это было очень актуально. Застраховаться от всего. Перестать бояться. Почувствовать стабильность, ага. Некоторые страхуют жизни в прямом смысле этого слова. Так страхуют, что можно быть уверенной в результате... Например в том, что меня не так-то легко убить...

Я посмотрел на девушку.

– Откуда ты?..

Она легко соскочила со стиральной машины, присела передо мной на корточки.

– Олежек, я же только что рассказывала, ну... – Голосок ее звучал мягко и нежно, словно она втолковывала малолетнему ребенку, что нельзя играть со спичками. – Ты вот забрал мои глаза, чтобы найти в них что?.. Капли души? И как, нашел?

– И?..

Я хотел спросить, что она хочет сделать. Зачем пришла. О чем вообще речь.

На самом деле это был сон. Очередной ночной кошмар.

– В моих глазах нет ничего. Душа, знаешь ли, очень ходовой товар. Иногда за нее предлагают немного больше, чем два миллиона рублей.

Она сняла очки, а за очками я увидел сиянье. Яркое, бездонное сиянье. Оно кружилось миллионом воронок в абсолютной черноте, брызгая искорками в бесконечность.

– Ваша компания меня расстроила, – прошептала девушка. – Вы – шулеры и позеры. Не выполняете обещания. Возьмите пример со своих коллег по цеху. Вот уж кто знает толк в страховании. Вы им не конкуренты. Одна досада. Иногда приходится кое-что заменять.

Она коротко взмахнула рукой и воткнула иглу мне в глаз. Я почувствовал, как рвутся внутри головы крохотные, невидимые сосуды. Зародилась тупая ноющая боль. Она нарастала и нарастала, пока не стала настолько невыносимой, что я закричал.

Но даже вопя от боли так, что свело челюсть, я не мог оторвать взгляда от яркого сиянья ее глаз.

Сначала было темно.

Мне показалось, что я погрузился в темноту, словно в воду.

Если удастся выбраться живым, первым, кто узнает о случившемся, будет Пал Палыч. Я расскажу ему, что сошел с ума. Я действительно спятил. Псих ненормальный. Меня надо подлечить в буквальном смысле этого слова. Вставить мозги на место. Как там это сейчас медицина делает? Наверное, напичкают таблетками, и лежи себе в кровати, а медсестра постель и утку меняет. Приду в себя здоровый, нормальный, адекватный. И снова на работу. Пробежусь по отчетам, отработаю премиальные.

Дома ждут глаза. Каждый в отдельной баночке. Голубые, карие, зеленые, синие, фиолетовые, серые, горчичные, болотные.

Как у Игоря Сергеича. Он же не придет больше на работу, верно?

Я его убил? Я не удержался, мать-перемать, и искромсал его, забрал глаза, добавил их в коллекцию.

Мне надо отлежаться. Убиваю направо и налево. Совсем с катушек слетел. Проклятая питерская зима.

Свет проник сквозь веки, сделался ярче. Словно пелену с глаз сорвали.

Я увидел вдруг, что нахожусь в кабинете Пал Палыча.

Шеф сидел в кресле, положив ноги на стол. Во рту сигара. В правой руке чашка кофе.

Ему не хватает ковбойской шляпы. Точно.

– Чем могу помочь? – спросил он, улыбаясь.

Я хотел ответить, но не смог. Вместо этого услышал знакомый женский голос, странно отражающийся в ушах:

– Здравствуйте. Вы Павел Павлович? Мне вас посоветовал Игорь Сергеевич, ваш компаньон. Говорит, только вы можете решить мой вопрос.

– Компаньон, – хмыкнул Пал Палыч, пуская облако дыма. – Этого компаньона второй день нет на работе. Шляется где-то, телефон не берет. Наверное, с такими вот симпатичными барышнями зажигает. Ну, что вы хотели?

– Дело в том, что моя подруга, знаете, немного увлекается страховкой. Составляет отчеты, следит за балансом клиентов... У нее своя страховая компания в Москве. А я ей вроде как помогаю.

– Понимаю.

– Она так этим увлечена, что словно потеряла голову. Думает, что в отчетах и планах существует некий сакральный смысл. И вот я подумала, что вы, как профессионал, можете быть...

Голос звучал изнутри моей головы. Изнутри *ее* головы!

Так не бывает! Я попытался открыть рот – не получилось. Пошевелить руками – не вышло! Я не чувствовал тела и ничего не контролировал. Все, что мне оставалось, – это видеть.

– Может быть, нам встретиться после работы?

Пал Палыч широко заулыбался:

– Назначайте время.

Он нюхнул пороху в девяностых. Он тот еще стреляный воробей. Выживал в перестрелках, в бандитских разборках, в депутатских склоках. Имел дело с сотней людей, которые хотели убить его.

Но, мне кажется, он слишком долго жил в настоящем. Стал таким же, как его клиенты, забитые в отчеты и графики, внесенные в план и комментарии.

Пал Палыч расслабился. А его конкуренты – нет.

Взгляд сместился. Я увидел отражение в зеркале. Коричневые сапожки, пуховик, большая и неуклюжая сумка через плечо. В правой руке – темные очки. Овальное личико, чуть вздернутый носик, светлые волосы закрывают лоб.

И еще увидел глаза.

Мои голубые, с примесью зеленого, глаза.

Навсегда

Стас помнил ее в мельчайших подробностях – дверь в пристройку около школы.

Она была деревянная, обитая с двух сторон неровными листами металла. Всюду торчали шляпки гвоздей (сейчас уже покрытых густой ржавчиной), кое-где гвозди свернулись, сделавшись похожими на высохших червячков. Дверь покрасили зеленой краской, оставив по углам светлые разводы от широкой кисти. Краска за двадцать лет выцвела, приобрела желтоватый оттенок, вздулась морщинистыми пятнышками и местами осыпалась.

Раньше наверху висела прямоугольная табличка, на которой было написано: «Секция бокса». Никакой секции на самом деле там никогда не существовало. За дверью находился локальный подростковый рай.

Стас понял, что разглядывает белое пятно на месте таблички. Только сейчас до него дошло: он совершенно не понимает, что здесь делает. Каким ветром судьбы его вообще сюда приволокло?

Он отошел на несколько шагов, осмотрелся. Старая закрытая школа. Заиндевевшие ступеньки. Заколоченные двери и выбитые окна. Сетчатый забор, заклеенный афишами – с внутренней стороны были видны только кляксы клея на белой глянцевой поверхности.

В голове медленно рассеивался туман. Стас вспомнил, что получил письмо, а затем, будто обезумевший, спешил на Московский вокзал, покупал билеты и почти сутки ехал из Питера на поезде. В Мурманске прямо у платформы подхватил таксиста и за две тысячи примчался в этот крохотный и богом забытый городок на краю Кольского полуострова. Городок, где Стас родился и прожил шестнадцать лет.

Воспоминания.

Стас запустил руку в карман брюк, выудил легкий бумажный конверт, повертел его (тысячу раз уже, наверное, вертел), отогнул надорванный лохматый край, вытащил письмо. Всего одна страница в клеточку, а текста на ней – несколько предложений. Размытая губная помада внизу. Наташкина помада, чья же еще? И почерк ее. Невероятно, но факт.

Письмо принес курьер. Позвонил в полседьмого утра в дверь – настойчиво и терпеливо. Оглядел сонного Стаса от старых тапочек до короткого ежика волос, сказал:

– Распишитесь за получение, – а потом протянул конверт.

– Это от кого? – пробормотал Стас.

Курьер пожал плечами – и был таков.

Обычно в полседьмого утра курьеры к Стасу не заглядывали. Да что там, последний раз он получал письма лет десять назад, когда еще была жива мать. С тех пор даже по телефону ему звонили исключительно из банка или по работе, а эсэмэски приходили только рекламные.

И вот конверт.

Сначала увидел фамилию отправителя – Егорова. Потом имя – Наталья. Нахмурился (бывают же совпадения), пробежал взглядом по адресу. Тут уже кольнуло в душе. Он вспомнил тот самый день, когда виделся с Наташкой в последний раз. Почувствовал холодные капли

дождя на коже, запах горячего мокрого асфальта и пыли. Еще вспомнил вкус ее губ. Сладкий. Эхо голоса, когда она шептала на ухо:

– *Это странное слово «навсегда».*

Двадцать пять лет прошло с тех пор. Стас не был уверен, что сможет с точностью сказать, какого цвета были Наташкины волосы. Но тот самый поцелуй... те самые слова, которые она прошептала на прощание...

Трясущимися руками Стас вскрыл конверт, уронил его под ноги, развернул лист бумаги, и первое, что увидел, – нежные очертания ее губ в розоватом отпечатке губной помады. Долго разглядывал, не в силах ничего понять. перевел взгляд на первые строчки.

«Здравствуй...»

Мысли в голове были лохматыми, как край конверта. Всего двадцать минут назад Стас вышел из такси и направился по тропинке в сторону школы. Под ногами хрустела галька. Прохладный осенний ветер забирался под куртку. Стас знал в этом городе каждую подворотню, каждый подъезд и закоулок. Он мог дойти от продуктового магазина «Нерпа» до школы с закрытыми глазами. Но тут почему-то споткнулся, болезненно ударил мизинец о камень и остановился. Около серых панельных пятиэтажек за волнистые изгибы сопки заходило багровое солнце. Как в детстве. Много лет назад из детской комнаты Стаса был хорошо виден закат. Стас любил забираться на подоконник с ногами и, обхватив колени, смотреть, как солнце медленно ускользает за холм. Сходство с картинкой из прошлого так поразило Стаса, что он несколько секунд тер виски (все еще спрашивая сам себя – как я тут очутился?), а потом перевел взгляд на дверь в пристройку.

Она даже без таблички «Секция бокса» казалась точно такой же, как прежде. Подумаешь, немного облупилась и вылиняла краска. Стас взялся за ручку, потянул. Дверь со скрипом приоткрылась. В образовавшемся проеме затрепетали обрывки паутины, пахло холодом и слякотью – совсем не детскими воспоминаниями. Показалось даже, будто что-то заворочалось в темноте, а потом из проема выпорхнул крохотный красногрудый снегирь. Он метнулся в сторону, взвился под козырек школьного крыльца, в невероятном пируэте изменил траекторию и был таков. Стас непроизвольно взмахнул рукой с конвертом, и бумага жалобно хрустнула, складываясь пополам.

Конверт и дверь. Две составляющие одной мозаики. Надо бы попробовать разогнать туман в голове, сосредоточиться, наконец, и сообразить, что происходит.

Сквозь дверную щель Стас разглядел (тот самый) узкий коридор, в котором раньше толпились мальчишки в надежде купить билетик на сеанс после уроков. Несколько косых лучей света разрезали сумрак, освещая старую краску на стенах, грязные потеки влаги, куски штукатурки. И, конечно же, Стас увидел окошко кассы. Оно было заколочено квадратным куском фанеры. Один край топорщился щепками. На фанере кто-то написал краской: «Марианна сосет!»

Стас раскрыл дверь шире – ее заклинило где-то на середине – и протиснулся внутрь. Под ногами захрустело стекло. Почти весь коридор занимал старый грязный матрас в окружении пустых пивных бутылок. Единственное окошко на улицу под потолком, будто штора, занавешивала паутина. Стены были исписаны, и среди подростковых каракулей слово «сосет» оказалось самым безобидным. На двери в конце коридора кто-то, безусловно, талантливый нарисовал гигантский красный член в пиджаке и при галстуке. Надпись внизу гласила: «Привет, девяностые».

Точно. Привет.

В девяносто первом году в полуподвальном помещении у школы, за дверью с табличкой «Секция бокса», появился видеосалон. Ходили слухи, что это директор привез из-за границы японский видеоманитофон и кучу кассет. В помощники он взял физрука дядю Егора, кото-

рый оборудовал зал – расставил в семь рядов стулья, повесил под потолком телевизор, туда же запихнул подмигивающий красной лампочкой видеоманитфон. Еще дядя Егор сидел на кассе, продавал билеты, рассказывал, что за фильмы будет сейчас показывать, и гонял малолеток. Дядя Егор обожал фильмы, особенно с Брюсом Ли.

Физрук был лысеющий мужчина, с темными мешками под глазами, с золотыми зубами и широким морщинистым лбом. Он всегда носил спортивный костюм, а на шее – свисток. Дядя Егор любил свистеть им три раза перед началом сеанса, покрикивая в черноту зала: «Как в театре, ля... Сидим и не жужжим!» Смеялся дядя Егор противно, повизгивающим смехом, будто захлебывался воздухом.

Сейчас Стас был готов поклясться, что слышит эхо этого смеха. Слабые отзвуки его зародились внутри головы, расползлись по сырым стенам коридора, отразились от осколков стекла, покрывающих пол и грязный матрас.

Их-их-их-их.

Смех определенно доносился из-за фанеры. Сквозь крохотную щель был виден дрожащий свет, подмигивающий тенями.

Стас взялся за фанеру и принялся ее отдирать. Угол фанерного листа изогнулся и лопнул с сухим треском, выпуская свет острым клином в коридор. Закружились встревоженные пылинки. Стас отломил большой кусок и швырнул его в сторону.

В образовавшейся дыре он увидел вдруг дядю Егора. Тот сидел на том же самом месте, что и четверть века назад. За спиной его на шербатай от штукатурки стене висели плакаты – Фред Крюгер, Терминатор, Сталлоне из фильма «Кобра». Под Сталлоне на табуретке свистел чайник, пускающий носиком струйку пара.

– Здравова, корова! – подмигнул дядя Егор. Он сильно постарел за это время, облысел окончательно, потерял золотые зубы, обзавелся еще более глубокими морщинами и темными пятнами, облепившими лоб. На нем был такой же спортивный костюм, как и много лет назад, а на старческой шее в складках темной кожи на шнурке висел потертый до блеска свисток.

– Сто рублей два сеанса сразу. За один фильм – двести пятьдесят, – подмигнул дядя Егор.

– За какой фильм? – ошалело пробормотал Стас.

– За «Еву-разрушительницу», – отозвался дядя Егор. – А если вместе с «Чужими», тогда сто. Не тяни резину, щегол, устану ждать – хрен что получишь.

Стас на всякий случай осмотрелся. Заброшенный коридор. Паутина. Пыль. Дверь в зал покрыта метровым слоем пыли. Сюда, наверное, последний раз заглядывали миллион лет назад.

С тех пор как видеосалон закрыли к чертовой бабушке в девяносто четвертом.

После того как в городке пропали шестеро подростков.

– Ну? – спросил дядя Егор хриловатым баском. – Долго ждать? У меня чайник кипит. Думай, идешь или нет?

Стас машинально достал кошелек, нашел сторублевую бумажку. «Чужих» он смотрел, а вот «Еву-разрушительницу» нет. Уже когда протягивал деньги сквозь шербатаю от кусков фанеры щель, спохватился:

– А вы что здесь вообще делаете?

Холодные и влажные пальцы дотронулись до его кисти. Дядя Егор взял деньги. Подмигнул:

– Думаешь, брат, удивил вопросом? Я тут фильмы показываю. Кручу на видике по две трехчасовые кассеты зараз. Для желающих.

– Вас же закрыли.

Чайник у стены свистел надрываясь. От этого тонкого свиста пронзительно кольнуло в висках.

– Кто б посмел! – отозвался дядя Егор. – Всё в порядке, Стасян. Не парься.

– А вы... – Стас запнулся, мимолетно отметив, что дядя Егор назвал его по имени. Показал физруку конверт. – Вы не в курсе, что это такое может быть?

– В курсе, конечно. Это, брат, письмо твоей юности. – Дядя Егор тяжело поднялся, щелкнул выключателем чайника. Достал откуда-то граненый стакан и наполнил его кипятком. Потом запустил руку глубоко в карман, выудил пакетик кофе, надорвал край и высыпал содержимое в кипяток. – Письмо юности, брат.

Слова эти эхом отразились в голове Стаса. Он будто бы что-то вспомнил, но никак не мог сообразить, что именно.

...и какого черта я вообще здесь нахожусь?..

– На сеанс опоздаешь, идиот, – буркнул дядя Егор, размешивая кофе в стакане указательным пальцем. – Деньги-то заплочены.

Стас закивал, будто действительно собирался идти в кино. Направился к двери, давя ботинками куски штукатурки и осколки стекла. Из-за двери слышались какие-то звуки. Он взялся за ручку и потянул. Дверь приоткрылась на удивление легко. Звуки сделались четче. Играла музыка. Гнусавый переводчик из прошлого сбивчиво и бегло читал текст. Где-то скрипнул стул, кто-то негромко, но отчетливо захихикал.

Заглядывая внутрь, Стас уже знал, что там увидит. Вернее, вспомнил – темный зал с рядами стульев. Телевизор под потолком. Две старые колонки на столе, откуда с грохотом льются звуки. Мальчишеские головы над стульями. Возня. Хихиканье. Блеск фонарика.

Невероятно.

Он сделал шаг в чарующую темноту прошлого. Дверь закрылась за его спиной, оставив один на один с квадратом света под потолком.

В девяносто третьем году родители Стаса решили переехать жить в Питер. Папу заманивали переходом на более высокую должность. Грех было не согласиться, тем более что с будущим крохотного северного города все обстояло довольно туманно. Тут мир вокруг рушится, что уж говорить о забытых всеми городках.

Стас и рад бы был уехать, но Наташка – любимая Наташка – оставалась здесь. Он обещал ей, что приедет при первой же возможности, что будет много писать и как только поступит в училище, то сразу же приедет за Наташкой и заберет ее к себе. Наташка мягко соглашалась на все его предложения. В какой-то момент он даже сам стал верить, что все будет хорошо. Потом, правда, понял, что дело в Наташке. Она хотела, чтобы последние недели их первой влюбленности прошли как можно безболезненней. Оттягивала расставание. Ничего не обещала, но и не отказывала. Стас до последнего не замечал, как исчезают дни, как стремительно подбирается дата переезда.

А до переезда они бегали за город в сопки, жарили на костре кусочки колбасы, безуспешно ловили снегирей, сидели в кафе-мороженом «Сказка» и, конечно, ходили в видео-салон. Наташке нравились фильмы ужасов и мультики вроде «Тома и Джерри». Она с нетерпением ждала вечера, когда начинались сдвоенные сеансы, проверяла расписание фильмов и очень радовалась, если удавалось в очередной раз посмотреть «Челюсти», «Фантазм» или «Зловещих мертвецов». Стасу было все равно, что смотреть. Он больше любил второй зал – другую подростковую райскую комнату. В ней стояли игровые приставки «Денди», четыре штуки. Можно было развалиться перед телевизором прямо на полу (вернее, на мягкой подстилке, похожей на старое полотенце) с джойстиком и сыграть на двоих в «Танчики» или «Double Dragon». Тут же за копейки можно было купить стакан холодного «Юпи». Особенно нравился виноградный, с кисловатым привкусом и осадком на нёбе.

Стас обожал, когда они с Наташкой садились бок о бок, задевая друг друга локтями, упирались спинами в стену. Вокруг них была чернота, а перед глазами – блеск телевизора. Стас чувствовал Наташкино дыхание, ощущал прохладу ее кожи (когда будто невзначай дотраги-

вался), а еще мог незаметно поцеловать ее в ухо или в шею, уверенный, что никто вокруг не видит. Другим подросткам в самопальном игровом зале вряд ли было дело до двух влюбленных.

Однажды она спросила, не отрывая взгляда от экрана:

– Ты никогда не задумывался, почему в фильмах постоянно оправдывают всяких отрицательных героев?

– Наташ, – тихонько взвыл Стас. – Это же «Чип и Дейл» и супербосс, какие фильмы? Не зевай!

– Я про фильмы вообще, – продолжала она, ловко вдавливая кнопки джойстика. Надо отдать должное, Наташка умела играть в приставку не хуже любого парня в школе. – Всегда есть какое-то оправдание. Например, в человека вселился демон, и человек начал убивать. Ну не виноват он. Его как бы подчинили себе, да? Или злые души начинают шептать что-то, и герой сходит с ума. Как в «Сиянии». Он же, по сути, сам бы никогда не убил. Его заставили. Показывают так, будто есть оправдание. Будто эти люди не просто так захотели убивать, а их склонили.

– Думаешь, акулу из «Челюстей» тоже склонили?

– Ага. Она из-за голода убивала. С животными вообще все просто. Я про людей. Мы подсознательно стараемся оправдать злодея, понимаешь? Каким бы он маньяком ни был, все равно в фильме есть мотивы и обстоятельства, которые подталкивают его к убийствам. Проблемы в семье, детские обиды, унижения одноклассниками – ну, много всего.

Стас не понимал, к чему она ведет, поэтому кивал, продолжая играть. Супербосс никак не желал умирать.

– Интересно, существуют ли в реальной жизни маньяки, которые убивают просто так? Ну, потому, что им хочется. Без всякой причины.

– Всегда убивают ради чего-то. Или кого-то.

– Вот и я об этом думаю. Никто не рождается с желанием убивать. А значит, любого злодея можно оправдать с точки зрения общества. Его заставили.

Стас вспомнил этот разговор с такой ясностью, будто только что поставил игру на паузу и вышел посмотреть фильм.

Разница была в том, что комната с телевизором оказалась пуста.

Телевизор под потолком показывал мелкую серую рябь.

Гнусавый голос Володарского доносился из динамиков обрывками малопонятных фраз.

Надпись на витрине: «Прачечная»

Послушай, Дже, я не думаю, что это хорошая идея

Давай решим, что вообще происходит?

На стульях никто не сидел. Стас подошел к одному, обнаружил вмятину на мягком сиденье, еще не успевшую распрямиться. Кто-то шикнул:

– Не мешайте!

Стас вытянул шею, пытаясь различить хоть кого-то, но успел заметить только блики фонарика.

Я много раз бывал в этом отеле

Капрал, позвольте вас представить

Его мамаша никуда не делась

По затылку пробежали холодные мурашки. Стас почувствовал зарождающийся в груди страх – то самое состояние, когда ноги делаются ватными, руки безвольно повисают вдоль тела, а сердце начинает колотиться в груди, будто перепугавшийся снегирь. Воспоминания закружились в голове, выплывая из потока мутных и лохматых мыслей.

Почему ты решил, что это письмо от девушки, которая пропала много лет назад?

Разве она не говорила тебе? Не рассказывала о своей бабушке?

А почему ты уехал? Сопливый маменькин сынок!

– Господи! – Стас вздрогнул, перевел взгляд на телевизор. Голос Володарского сделался тише, перешел в невнятное бормотание. Серая рябь на экране завораживала.

Тогда Стас бросился вдоль рядов, опрокидывая стулья, к двери во вторую комнату. Сердце заколотилось еще сильнее. Ему показалось, что в спину кто-то смотрит. Стас обернулся. Он знал, кого там увидит.

Наташку.

Но в зале было темно и пусто. Из темноты сказали:

– Не мешай смотреть, козлина!

Наташка проводила здесь все вечера. Ей попросту некуда было идти.

Стас толкнул плечом дверь и ввалился внутрь игрового зала.

Конечно, он вспомнил. Как вообще можно забыть такое?

Идиотское правило жизни – с каждым годом воспоминания тускнеют, стираются, будто буквы на бумаге, исчезают. Проходит десяток лет, и уже не вспомнить, как выглядели лица твоих одноклассников. Еще десять лет, и из памяти вычеркнуты имена, фамилии, адреса. К старости воспоминания становятся похожи на невзрачных рыбешек на мелководье: выживаешь их с радостью младенца и не понимаешь, что всем на них наплевать.

У Наташки не было матери. Она умерла при родах. Отец привез из какого-то южного города свою мать – тучную пожилую женщину с огромным задом и сросшимися бровями. С Наташкиных слов выходило, что была она дурой, которая закатывала истерики по любому поводу. Бабушка визгливо кричала на Наташкиного отца:

– Я тебя вырастила! Я ради тебя сквозь огонь и воду! А ты, ты, сучонок этакий!..

А на саму Наташку вопила:

– Мелкая стерва! Знала бы ты, сколько нервов я на тебя угробила!

Бабушка жила с мнением, что если бы не она, то ни папа, ни Наташка не выжили бы в этом суровом мире. Она постоянно варила бульоны на мясе, от которых в кухне стоял приторный запах, а стекла на окнах запотевали. На столе неизменно стоял чайный грибок в трехлитровой банке, и Наташка не садилась обедать, пока не выпивала стакан. Бабушка была уверена, что от телевизора, магнитофона, жвачек, джинсов и уж тем более от шоколада одни проблемы. Вредные излучения, слишком много сахара, ну и так далее. Поэтому в Наташкиной семье налегали на сырую тертую морковь, редис в масле, настойки из сока свеклы. Одежду Наташка носила ту, которую покупала ей бабушка (за очень редким исключением). Радио считалось устройством разрешенным, оно работало сутки напролет. В шесть утра Наташка просыпалась в своей комнате под звуки гимна. В такт торжественной мелодии скрипели пружины на диване – пробуждалась бабушка, которой предстояло поставить на плиту мясной бульон, натереть морковку, погладить Наташкину школьную форму (не беда, что форму отменили несколько лет назад), сварить папе несколько яиц и процедить два стакана грибного чая.

– Она вообще чокнутая, – рассказывала как-то Наташка, когда сидели вдвоем перед телевизором в игровом зале и пили на двоих «Юпи». – У нее что-то там в голове провернулось за последние десять лет. Считает себя чуть ли не спасителем. Будто бы папа вообще ничего не умеет, а она приехала и вытащила нас из пропасти.

– А это не так? – спрашивал Стас. – Она же у тебя вроде мамы?

Наташка неопределенно пожимала плечами:

– Я не знаю, как ведут себя мамы. А бабушка сбрендилась. У нее все по расписанию. Меню на неделю, как в столовой, представляешь? Макароны с сахаром на завтрак в понедельник, омлет с молоком на ужин в четверг, всякая другая фигня. Во вторник я должна надевать красные носки, а в среду – белые. У папы галстуки тоже по дням недели висят в шкафу. Если он

наденет другой, то бабушка закатывает истерику. Опять про то, как она жизнь на нас положила, ради нас живет и все такое. А костюмы у папы висят в целлофановых пакетах, чтобы дольше служили.

– Вы не пробовали отправить ее обратно, откуда привезли?

– Папа целыми днями работает. Бывает, по вечерам тоже уходит, и до утра его нет. Я думаю, он трахается с кем-то. Нашел себе симпатичную и сисястую.

Хорошо, что в темноте не было видно, как Стас покраснел.

– Ему-то вообще хорошо, – продолжала Наташка. – Готовить не надо, стирать и убирать тоже. Послушает иногда бабушкины истерики и снова уходит. А на меня наплевать. Я уже скоро вырасту и сама решу, что делать.

– Поэтому ты здесь все время проводишь?

Наташа снова дернула плечом:

– Не все время, понятно?

Стас не спорил. Последние три месяца они каждый вечер смотрели фильмы и играли на приставке. Он сдавал бутылки, чтобы наскрести денег на очередной сеанс, а еще научился виртуозно клянчить у родителей на книжки, благо, они так и не заметили, что книг у Стаса в комнате не прибавлялось.

Наташка могла просмотреть четыре фильма подряд. Стас любовался ее профилем, освещенным бледным светом экрана. Чуть вздернутый носик, длинные ресницы, тонкие губки. А после фильмов они переходили в игровой зал и играли до тех пор, пока дядя Егор не свистел в свисток три раза и не орал из коридора:

– Закрываемся, слышите? Живо на свежий воздух, тунеядцы!

В приставках «Денди» была одна замечательная вещь: если не успел доиграть, назавтра приходилось начинать сначала. Стас обожал начинать сначала. Ему казалось, что, пока игра не пройдена, время не движется. Замирает. И можно каждый день проживать как предыдущий.

Стас каждую ночь провожал Наташку до дома. Они стояли у подъезда, спрятавшись от света фонарей, и долго, страстно целовались. Его руки скользили по ее волосам и шее, не решаясь опуститься ниже. Наташка водила языком по его губам.

За неделю до отъезда Стас сказал:

– Мы навсегда останемся вместе!

А она ответила:

– Это странное слово – «навсегда».

В одном из старых писем Наташка писала о бабушке.

Писала, что та совсем сбрендилась. Заставила выбросить старую обувь и купила всем одинаковые ботинки и туфли. Темно-серого цвета. Это был цвет спокойствия, говорила бабушка, а в нашей семье необходимо быть предельно спокойным. Когда Наташка заявила, что не выбросит свои голубые туфли на молнии, бабушка взяла ножницы и изрезала туфли в лохмотья. Одной рукой бабушка не давала Наташке приблизиться, а второй щелкала ножницами

щелк-щелк!

распарывая ткань, ломая молнию. Серые волосы сползли ей на лоб и на глаза, на висках пульсировали вены.

«Я ее ненавижу! – писала Наташка. – Когда-нибудь убью и закопаю!»

В том же письме она сообщила, что даже папа не выдержал. Он назвал бабушку дурой и ушел, хлопнув дверью. Спустя десять минут Наташка выскочила за ним следом, намереваясь больше никогда не возвращаться.

Конечно, она вернулась. В крохотном городке не очень-то много мест, куда можно уйти навсегда. Наташка просидела в видеосалоне до закрытия, а потом побрела по ночному городу, вспоминая, как Стас провожал ее до дома.

«Мне так тебя не хватает!»

Это было одно из последних ее писем, вспомнил Стас, оглядываясь.

В игровом зале работали телевизоры. На трех из них по экрану бежала серая рябь. На четвертом одинокий танчик героически защищал орла в кирпичном квадрате. По залу разносился монотонный звук, имитирующий работающие гусеницы.

Стас различил в темноте приставку «Денди» с вставленным в нее желтым картриджем. Один джойстик валялся на краю табуретки, шнур от второго тянулся куда-то в сторону, и Стас проследил за ним глазами. У стены на куске тряпки сидела, поджав ноги, Наташка. Та самая Наташка из прошлого – семнадцатилетняя, светловолосая, с чуть вздернутым носиком и большими глазами. Сидела, закусив нижнюю губу и держа в руках джойстик.

– Привет, – сказала она, не отрывая взгляда от экрана. – Я думала, ты никогда не приедешь. Думала, не увижу тебя больше.

– О господи, – шепнул Стас.

Внезапно он ощутил себя чрезвычайно, необратимо старым. Ему недавно стукнуло сорок два. Годы проредили его шевелюру, изрезали легкими морщинами лицо, округлили живот. Появилась одышка, замучила изжога, постоянно кололо в печени, а еще по вечерам дрожали от усталости кончики пальцев.

И вот он стоял перед молодой Наташкой, в которую был влюблен все это время, образ которой хранил в памяти, и чувствовал, что жизнь изменила его навсегда.

Это странное слово...

Конверт выскользнул из пальцев и упал у Наташкиных ног.

– Что ты здесь делаешь? Как ты вообще такая?..

– Какая?

– Молодая!

Она усмехнулась, поставила игру на паузу и в наступившей внезапно тишине с грохотом отбросила джойстик в сторону. Легко поднялась:

– Я очень по тебе скучала все это время. Размышляла, написать или нет. Пригласить ли.

– А почему не писала раньше? – Стас увидел, что одета Наташка была в свои любимые старые джинсы и рубашку в клеточку, которую завязывала узелком на пупке, как героиня сериала «Элен и ребята».

– Боялась разрушить твою жизнь.

– Какая там жизнь... Баловство одно.

– Видишь, как удачно совпало. Женат?

– Нет.

– Дети?

– Не случились.

– Скучаешь по прошлому?

Он пожал плечами:

– Странно все это.

– Ничего странного. Помнишь, мы говорили друг другу, что останемся вместе навсегда? Так вот, я решила, что это «навсегда» уже пришло. – Наташка протянула руки. – Давай обнимемся, что ли. Как в старые добрые времена.

– Я не понимаю. Почему ты не изменилась? Почему ты здесь? Почему не ответила на мое письмо, а теперь вот зовешь сюда, в старый заколоченный видеосалон. Он же не работает, верно? Давным-давно не работает...

– Ты ошибаешься.

– Мне мама рассказывала. Клуб закрыли, когда директора школы обвинили в том, что он изнасиловал и убил шестерых подростков! Дядю Егора арестовали. Я видел, что тут вокруг все разрушено и разбито. Только пустой зал... и ты, каким-то образом...

– Хочешь «Юпи»?

– Что происходит?

– Видеосалон работает, – ответила Наташка. – Можем посмотреть «Техасскую резню бензопилой» или «Хеллоуин». Двести пятьдесят рублей...

– Что, блин, происходит?

– Я скучала по тебе. Поэтому решила написать письмо. Я гадала, что будет, если ты приедешь. Понимаешь, если бы ты не приехал, если бы у тебя было все хорошо и ты бы подумал, что письмо – это просто чей-то розыгрыш, я бы смирилась и еще сто лет проходила эти хреновы уровни в «Танчиках». А что делать, если ты будешь вот так стоять здесь? Я не ожидала. Не верила в такое счастье. Я ведь хотела остаться с тобой навсегда. С того самого вечера.

– Но ты так и не ответила на мое письмо!

– Глупый, – отозвалась Наташка и вдруг неувовимо быстро оказалась рядом со Стасом. Он заметил, какая нежная и молодая у нее кожа. Уловил легкий аромат духов. – Я бы с радостью написала, если бы могла. Но обстоятельства изменились.

Наташка положила руки Стасу на плечи и заглянула ему в глаза. Взгляд ее заставил Стаса задрожать – от жгучего желания прикоснуться губами к ее молодым губам.

Она проговорила:

– Я все расскажу, – и поцеловала Стаса так сладко, что он едва не потерял сознание.

Чем больше бабушка сходила с ума, тем чаще отсутствовал папа. Иногда его не было по несколько дней, и жизнь один на один с бабушкой делалась невыносимой. Наташка предпочитала возвращаться домой из видеосалона поздно, когда бабушка уже спала.

Папа приходил молчаливый и спокойный, подолгу лежал на диване в зале и смотрел телевизор, ни на что не реагируя. Послушно ел кашу из вареной тыквы и выслушивал причитания своей матери о том, какая Наташка растет неуправляемая и что с этим надо делать. Бабушка считала, что Наташка вырастет или проституткой, или наркоманкой. Мнения самой Наташки при этом никто не спрашивал.

Потом папе надоедало, и он снова уходил, чтобы успокоиться. Наташка часто уходила следом. Он мечтала подойти к папе на улице и предложить ему вдвоем сбежать из городка, оставив бабушку. Однажды она даже едва это не сделала. В тот вечер она шла позади папы метрах в тридцати и, вдруг решившись на разговор, начала ускорять шаг, чтобы догнать его. Но когда Наташка была так близко, что могла взять отца за руку, тот неожиданно свернул в какую-то подворотню и растворился в темноте. Она последовала за ним, еще ни о чем не подозревая, но уже твердо решив проследить за папой до конца. Заметила, как он исчезает за следующим поворотом. Догнала, стыдливо прячась. Папа выныривал из одной подворотни и исчезал в другой. Петлял, бродил кругами, торопливо проходил мимо освещенных подъездов и старался избегать фонарей. На улице наступила ночь, папа кружил по городу уже второй час. Наконец он остановился у недостроенного здания спортивной школы, постоял немного, запустив руки в карманы, и зашел внутрь. Наташка, недолго думая, поспешила следом. Она часто играла тут с подругами в прятки, поэтому знала лабиринты недостроенных секций и залов наизусть.

Где-то в темноте заблестел огонек зажигалки. Наташка ориентировалась по нему. Она слышала, как папа идет впереди.

В какой-то момент стало светлее, зажигалка погасла. Наташка видела папин силуэт. Она шла осторожно и тихо, чтобы отец ее не заметил. Она не знала, что он тут делает и зачем пришел, но понятно же было, что просто так люди на заброшенные стройки не забираются.

Свет сделался ярче. Наташка различила бетонные стыки подвального помещения – небольшого закоулка, из которого был только один выход. На низком щербатом потолке раскачивалась электрическая лампочка. У одной из стен сидел подросток. Наташка его узнала, это был парень из девятого класса, он отлично играл в баскетбол. Мальчишка был обнажен по пояс, руки и ноги смотаны веревкой и завязаны между собой в смыкающий узелок спереди. Рот заткнут тряпкой. Левый глаз разбит и набух. Струйка крови текла по щеке к скуле.

Наташка застыла в темноте, пытаясь понять – додумать! – что здесь творится. Она увидела папу. Тот подошел к подростку и стоял над ним, не вынимая рук из карманов.

Папа сказал:

– Пожалуй, ты будешь пятым.

Он произнес это с небрежностью и даже ленцией в голосе. Будто расставлял на полке книги и решал, куда же поставить томик Эрла Стенли Гарднера.

Вот только дальнейшие его действия не отличались небрежностью и ленью.

Папа достал из кармана выкидной нож. Дома он этим ножом срезал с сала корочки, которые так любила грызть Наташка.

Папа нажал на кнопку. Лезвие бесшумно выскользнуло.

Папа взял подростка за волосы и несколькими быстрыми движениями срезал с его лица кожу. Он провел лезвием по часовой стрелке – по лбу, по щеке и скуле, под подбородком, по другой щеке. Будто счищал кожуру с апельсина. Брызнула кровь. Парень задергался, замычал истошно, до хрипа, захлебываясь криком.

Папа взялся пальцами за надрез над глазами и рванул кожу вниз.

От чавкающего, рвущегося звука Наташка вскрикнула. Вдруг скрутило живот, и ее стошнило. Перед глазами поплыло. Выпрямившись, она увидела, что папа смотрит на нее. В его глазах не было удивления или растерянности. Это был взгляд того самого папы, который приходит домой и валяется на диване перед телевизором. Того папы, который ест морковку и не обращает на бабушку внимания. Папы, которому все равно.

Тогда Наташка бросилась бежать. Во рту было кисло от рвоты, в животе колело. Казалось, что она слышит за спиной хриплое дыхание отца.

Наташка выскочила на свежий воздух, ветер обжег ее разгоряченные щеки. Она бежала без остановки несколько кварталов, не оглядываясь и стараясь не думать о том, что папа может ее догнать. На глаза навернулись слезы. В какой-то момент она споткнулась и упала, содрав в кровь колени. Поднялась, побежала дальше, прихрамывая. В какой-то момент оказалась около школы и свернула к пристройке, к двери с надписью «Секция бокса». Не раздумывая, почти не отдавая себе отчета в своих действиях, купила билет в видеосалон, прошмыгнула в темноту зала. Сеанс уже шел. Людей было немного, несколько рядов стульев пустовало. Здесь Наташка чувствовала себя в безопасности. Не первый год она прятала в видеосалоне свои несчастья. Тут можно было успокоиться и все хорошенько обдумать.

Наташка смотрела в телевизор, не понимая, что за фильм там идет. Был бы здесь Стас, он бы решил проблему. Он бы подсказал, как быть.

А ведь она до сих пор не ответила на его письмо...

Внезапно где-то сбоку вспыхнул тонкий луч фонарика, забегал по залу, кого-то выискивая. Наташка подавила острое желание вскочить и броситься прочь из видеосалона.

Мало ли кого могут искать в этой темноте?

Свет фонарика погас. С экрана гнусавый голос сказал:

– Мне искренне жаль вас!

В этот момент тяжелая рука легла на ее плечо. Сердце Наташки заколотилось. Она хотела закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный тонкий писк.

– Прости меня, пожалуйста, – шепнул в ухо папа. – Я не могу так больше жить. Ты будешь у меня шестой.

Он зажал дочери рот ладонью и воткнул ей нож в сердце – прекрасно зная, где оно находится. Наташка почувствовала солоноватый привкус его потной ладони у себя на губах. Жизнь утекла стремительно, за считанные секунды. Наташка умерла, сидя на стуле в четвертом ряду, все остальные места в котором в тот вечер пустовали.

Так ее и нашли после окончания сеанса, в луже крови, с упавшей на грудь головой. Светлые волосы прилипли к щекам. Рот был приоткрыт.

– Мама рассказала тебе, что в городе исчезло шесть подростков, – шепнула Наташка на ухо. – Так вот, исчезло только пятеро. Шестой жертвой была я. Трупы пятерых мальчишек нашли позже, почти год спустя, в сопках. Их изнасиловали, а с лиц содрали кожу. Смертельные раны были нанесены в сердце – точно таким же ударом, каким убили и меня.

– А директор? – спросил Стас.

– Он попал под горячую руку. Сначала взялись за дядю Егора, ведь это он проводил сеанс, на котором меня убили. Но у него на момент моей смерти было алиби. Поэтому взяли директора. А пропавшие мальчишки все учились в одной школе, и директору уже было не выкрутиться. Правосудию все равно, кого наказывать. Главное, что убийства прекратились.

Она замолчала, ласково перебирая тонкими пальцами волосы Стаса.

– Я видел дядю Егора.

– Такой же мечтатель, как и мы с тобой. Вечный киноман и кинолюб. Ждет неприкаянные души и продает им билеты на последние сеансы.

– Я тоже, получается, пришел на последний сеанс?

Наташка спросила:

– А ты сам как думаешь? Ты же приехал. Бросил все и приехал.

– Было бы что бросать.

– И ты ведь сразу поверил...

– Не забывал ни на секунду...

Он осмотрел игровой зал – телевизоры, приставки, желтые картриджи, которыми была забита сетчатая коробка из-под мусора. Где-то на столе валялись пакетики «Юпи» – много виноградного напитка с характерным привкусом на нёбе.

– Я бы остался с тобой навсегда, – решил Стас.

Какая же все-таки Наташка молодая и красивая! Он снова залюбовался легкой прозрачностью ее кожи, тонкими чертами лица, изяществом ее движений. Немного сбивала с толку дыра в рубашке на уровне груди – дыра с лохматыми краями.

– Давай пройдем тот проклятый уровень в «Чипе и Дейле»? – предложила Наташка. – А потом вернемся в зал и досмотрим «Еву-разрушительницу». Фильм – полная чушь, но интересно, чем закончится.

– Всегда готов.

Что-то кольнуло сердце Стаса, когда он сел у стены. Наверное, это игла любви. Та самая, о которой он мечтал много-много лет.

Наташка села рядом, протянула второй джойстик.

Спустя мгновение они увлеченно играли, не обращая внимания на выбитые окна, на осколки стекол, лужи, мусор, грязных бомжей, спящих в углу, на то, как в рваную крышу заглядывает луна, на висящую на одной петле дверь, куски кирпичей на полу, разбитые телевизоры и горы пивных банок.

Двое были счастливы и связаны этим странным словом – навсегда.

Коридоры

Мы зашли в музей в пять минут десятого – то есть через пять минут после его открытия. Рекордсмены посещений. Ранние пташки. Кроме нас, вряд ли бы кому-нибудь еще пришло в голову вылезать из дома в такую рань. А вот Ане пришло, милой моей ненаглядной. Аня еще за неделю до отъезда составила график посещений.

– Это тебе не Турция, – говорила она. – В Москве надо бегать.

Вот мы и бегали. За четыре дня – шесть музеев и два парка. Кажется, я стоптал подошвы на новых ботинках и начал разбираться в живописи эпохи Возрождения. Очень полезные знания для водителя такси, ничего не скажешь. Сначала с нами бегала Оксана, Анина одноклассница, у которой мы поселились, но в итоге ей это надоело, появились важные и срочные дела, и вообще «я это уже сто раз видела». Вот так надейся на местных.

К пятому дню музеи слились для меня в единую череду галерей, выставок, экспозиций, бубнящих что-то экскурсоводов и бабушек-смотрительниц в коридорах, которым только и надо, что ткнуть носом в наше бескультурье. Я без труда мог определить, где в музее находится кафе, а где – туалет. А еще мне отчаянно хотелось переписать Анин график и вставить туда, например, посещение кинотеатра, ресторана или хотя бы открытой веранды, где подают прохладное нефильТРованное пиво. Однако же противоречить милой моей ненаглядной было все равно что лезть в пасть к змее. Лучше подождать, пока сама выдохнется...

Этот ранний музей на входе ничем не отличался от предыдущих: сразу за стеклянными дверьми небольшой прохладный холл, пол выстелен кафелем, справа – гардеробная, слева – касса. У стены под окном жались старые потертые стулья с потрескавшимися спинками и блестящими от пузырящегося лака подлокотниками. Потолки полукругом, узенькие окошки, пахнет историей, а проще говоря – старьем. Пожилая женщина в гардеробной при виде нас ожилилась, но со стула не поднялась.

– Граждане, верхнюю одежду надо снимать, – проворковала она, кивая острым носом на мою куртку. – Не положено в верхней одежде.

Пока Аня покупала билеты, я вытряхнул из куртки телефон, зажигалку, ключи от машины, рассовал по карманам джинсов. Гардеробщица поглядывала то на меня, то на Аню с нескрываемым любопытством. Потом спросила, прижав куртку сухой ладонью:

– Туристы?

– Туристы, – ответил я. – Из Архангельска.

– Бегаете, значит, галопом по Европам, одним глазком на каждую прелесть посмотреть?

– А что остается? Город большой, времени мало.

– Раньше, бывало, у нас тут очереди выстраивались, – проворковала гардеробщица. – Никто никуда не торопился. А теперь? Все бегут и бегут. А ведь надо, чтобы усвоилось. Это же вам не хот-дог. Это культура!

Аня взяла меня за ладонь и увела от болтливой гардеробщицы к двери, на которой висела белая табличка с черными буквами: «ЭКСПОЗИЦИЯ № 1».

За дверью мы обнаружили коридор без окон, погруженный в мягкий ламповый свет. Казалось, что потолок слегка закруглен, а вдоль стыка между паркетным полом и стенами тянулись горизонтально трубы различной ширины. В этих трубах что-то отчетливо гудело, потрескивало и ухало. Стены были шершавые, вроде бы недавно отштукатуренные. Я различил грубые мазки кисти то тут, то там. Штукатурка местами сползла и закрутилась стружкой.

– Про ремонт ничего не было написано. – Я кивнул на пустые бумажные мешки, валяющиеся у стены.

– Потому что ремонта и не должно было быть, – отозвалась Аня и добавила всё объясняющее: – Столица!

Паркет под ногами поскрипывал. Звуки наших шагов гулким эхом разносились по коридору. Мы дошли до двери без табличек, открыли ее и оказались в еще одном коридоре, но размером больше, с высоченными потолками и разлапистой старинной люстрой в центре. Стены тут были покрыты монотонными обоями, вдоль пола все еще тянулось несколько труб разной ширины.

Рядышком с дверью сидела худощавая сторбленная старушка и вязала.

– Дорогие мои! – оживилась она, улыбнувшись. – Неужели? Редкие гости! Вы откуда здесь вообще?

– Мы, бабушка, на экспозиции пришли посмотреть, – ответил я. – Где у вас тут экспозиции?

– Нам бы про десятый век, выставку, – подсказала Аня, сверяясь с какими-то своими распечатанными листами.

Бабушка отложила вязанье, уперлась толстыми ладонями в собственные колени и посмотрела на нас из-под очков. Глаза у нее были большие, водянистые, с желтоватыми прожилками вокруг зрачков, а губы потрескавшиеся, но густо замазанные красной помадой. Мне показалось, что эту бабушку я уже встречал в каком-то другом музее, хотя они все были на одно лицо.

– Экспозицию, говорите? – спросила старушка. – Это запросто. У нас эта ваша экспозиция – популярная вещь! Значит так, дорогие, вам сейчас прямо по коридору, потом сразу налево и еще один раз налево. Там дверь с надписью, ну, вы увидите, не промахнетесь.

Мы поблагодарили и пошли к следующей двери. Я зачем-то оглянулся и увидел, что бабушка все еще сидит в странной позе, уперев руки в ноги, и провожает нас внимательным взглядом. С ее накрашенных губ не сходила улыбка.

За дверью, как ни удивительно, снова оказался коридор – низенький, узкий, без окон, с щербатым бетонным полом и ободранными обоями. Судя по всему, ремонт здесь был в самом разгаре, стены местами обматывали ремонтные ленты. Валялись пустые мешки из-под цемента, в воздухе сильно пахло сыростью и плесенью. Вдоль стен вились тонкие трубы, внутри которых ухало и потрескивало. Свет от ламп, свисающих на голых проводах, дрожал и подмигивал. Мы сразу свернули налево. Под ногами хрустела бетонная крошка. Потолок был заклеен черной пленкой, которая кое-где пузырилась и дрожала, будто снаружи ее поддувал ветер.

– И все же странное место, – заметил я вполголоса, огибая лужу с радужной оболочкой бензина по краям.

– Не самый популярный музей, – ответила Аня. – Я выбирала: или этот, или сгонять в мастерскую глиняного искусства. Думала, передохнем немного, картинами полюбуемся.

Картин тут как раз не наблюдалось.

– Лучше бы глину полепили. Как в фильмах.

В какой-то момент мы вынырнули из темноты и оказались у еще одной двери. Какой уже по счету? Рядом с ней на табуретке сидела бабушка, похожая на предыдущую, но толще, одета в темное и без очков. Она разгадывала кроссворд под пятном света от настольной лампы. Лампа,

кажется, была старая, на керосине, и чадила. А ручка – как будто перо, которым бабушка царапала по бумаге с едва слышным скрипом.

– Ох, дружочки! – воскликнула бабушка, подняв голову. – Ничего себе забрались! А ну-ка, давайте, милые, где ваши билетки? Ага. Экспозиция, значит. Ну, хорошо-с. Туристы? Любознательные, значит! Вы, милые, сейчас прямо по коридору, потом сверните направо, налево потом, за смотровой сразу дверь с табличкой. Ну, разберетесь.

Она, не вставая с табуретки, проверила билеты, открыла дверь и буквально вытолкала нас через порог. Мы несколько секунд стояли, ошарашенные от столь неожиданного бабушкиного напора. Где-то вдалеке мигала лампа дневного света. Отштукатуренный потолок вспарывала горизонтальная широкая труба, окрашенная в блестяще-голубой.

– Может, назад? – предложил я. – Дунем в какой-нибудь парк, мороженого купим? Эти коридоры меня утомили.

– Похоже на какой-то обман. Денег взяли и водят кругами...

– Я же говорил, хватит бегать по музеям. Погуляем на свежем воздухе, отдохнем от культуры, а?

Аня неопределенно пожала плечами. Обычно это означало, что она согласна, но лучше не напоминать о том, что идея с музеем была плоха.

– погоди секунду... – Аня достала телефон, набрала кого-то и, дождавшись ответа, заговорила: – Оксана? Привет! У нас тут планы изменились, хотим в кафе посидеть в центре. Или в Горького дунуть на несколько часов. Ты с нами?..

Мы вышли обратно, и оказалось вдруг, что за дверью совсем другой коридор, без ремонта и бетонного пола, аккуратный, с новенькими лампами вдоль стен, ламинатом и современной отделкой. В углу сидела бабушка – тоже другая. Худощавая, остроносая, в косынке, без крестоворда, чадающей лампы и пера вместо ручки.

Увидев нас, она нахмурилась и цокнула языком:

– Не положено назад! Вертайтесь, откуда пришли.

Аня замерла с открытым ртом, пробормотала в трубку:

– Оксан? Ты не поверишь! Мы в музее тут одном...

– Не положено звонить! Звонят и звонят! Это вам культура, к ней бережно относиться надо! – повысила голос старушка и неожиданно пригрозила нам кулаком.

– Полегче! – предупредил я осторожно, хотя, признаться, не совсем понимал, что происходит.

– Оксан... ты можешь за нами приехать, а? Сразу отсюда и рванем. А то место странное... инсталляция какая-то или еще что. Я тебе координаты сброшу сейчас...

– Выключить немедленно! Нарушаете тишину и порядок, уважаемая!

– А вы вообще кто? – спросил я. – Здесь же другая была только что.

– Была да сплыла! – прикрикнула старушка. – Вопросов много задаете. Вам прямо, до упора, а там, значит, не забудьте спросить, куда поворачивать. Иначе не дойдете. – Она цокнула языком снова и вдруг оскалилась, обнажая кривые желтоватые зубы. – Ходят тут и ходят! Вертайтесь, кому велено!

– Как выбраться отсюда? – спросила Аня, оглядываясь. – Ни окон, ни дверей, блин.

Старушка снова погрозила кулаком:

– Экспозиция через десять минут. Торопитесь!

– Беспредел какой-то. – Я потянул Аню за собой по коридору, мимо старушки, чувствуя, как по спине и затылку поднимаются мурашки.

Я понятия не имел, что буду делать, если чокнутая бабулька надумает сейчас нас остановить. Однако же она не шевелилась, только шипела и бормотала что-то, то и дело срываясь на визг.

Коридор за следующей дверью стал еще меньше, потолок – ниже, углы и края стен как-то незаметно обрели плавность. Пол был устлан густым красным ковром, на стенах висели бархатные шторы. Пахло чем-то странным, вроде слабого аромата гниющих яблок. Неприятно, в общем. Под потолком болтались лампы на оголенных проводах, тянулись трубы различных диаметров. Окон нигде не было. Я подбежал к шторам, раздвинул их, провел рукой по гладкой стене. Она была теплой и как будто мягкой.

– Господи, у меня скоро клаустрофобия начнется, – выдохнула Аня. – Бред какой-то. Может, это часть экспозиции?

– Странные тогда у них представления об искусстве.

Дверь впереди открылась сама собой. Показалась седоватая голова.

– Идите, скорее, дорогие! – проворковала она. – Заблудились, небось?

Эти бабушки совсем перестали мне нравиться.

За дверью коридор был узким и темным. Стены как будто окрасились в красный, а потолок окончательно очертился полукругом.

– Что у вас тут творится? – недовольно пробормотала Аня. – Ни указателей, ни окон... как выбраться?

Бабушка – неуловимо похожая на всех остальных, с седоватыми локонами, ямочками на щеках и морщинками вокруг водянистых глаз – картинно положила ладонь на грудь.

– Почему выбраться? Зачем выбраться? – охнула она. – Вы же еще ничего не посмотрели! Как же это? Зашли на минутку и сразу убегаете?

– Насмотрелись, кажется, – отозвался я. – Выведите нас отсюда.

– Да как же это так? Милые вы мои? Мы же тут днями для вас! Только вас же и ждем!

Нельзя же вот так сразу! – продолжала охать и причитать бабка.

Я не выдержал, крепко взял ее под локоть, потянул:

– Покажите дорогу, и дело с концом.

Я хотел поднять ее, а вернее, думал, что она поднимется сама, но старушка не двинулась с места и все продолжала бормотать что-то, охать, ахать, хвататься свободной рукой за сердце. Волосы растрепались и рассыпались по морщинистому лбу. Я потянул с силой, но ничего не произошло. Старуха как будто выросла в стул.

– Чтоб тебя!

Дернул еще раз с силой, не заботясь о правилах приличия.

– Вам... что вы делаете... по коридору... прямо... хватит уже... налево... налево, слышите?!

Раздался чавкающий звук, резко дыхнуло смрадом. Задние ножки стула приподнялись, будто отрывались от чего-то мягкого и липкого, и я увидел под ними дырки, из которых вдруг толчками выбилось и растеклось по полу что-то желтовато-бурое, склизкое и мерзко пахнущее.

– Я же говорила, милые мои, дорогие! – заверещала бабушка, то поправляя прическу, то хлопая ладонью по сердцу. – Говорила же, прямо идите! По коридорчику! Экспозиция! Одним глазком!..

Аня ухватила меня за свободную руку. Я увидел ее большие испуганные глаза, отступил от старушки на шаг, едва не запнулся. Свет подмигнул, на секунду макнув нас в темноту, а когда загорелся вновь, бабушка сидела на стуле как ни в чем не бывало, сложив руки на коленях и чуть склонив голову. Волосы аккуратно собраны в пучок на затылке. В морщинках на лице блестят капельки пота. А под старушечьими ногами, обутыми в дряблые коричневые ботинки, разлилась желто-бурая жижа, от которой воняло.

– На экспозицию, милые? – спросила она надтреснутым голосом.

– Что?

– Билетики предъявляем! – сказала старушка, и посмотрела на меня большими водянистыми глазами. – Билетики есть?

А ведь глаза у нее точно такие же, как у всех смотрительниц тут...

Мы почти побежали по коридору в противоположную от старушки сторону. Я толкнул плечом следующую дверь, первым оказался в коридоре, поскользнулся на чем-то влажном и темном, едва не упал. Здесь все вокруг было влажное. С потолка гулко капало. Старушка на стуле, в пенсне и с папироской в зубах, закричала обрадованно ломающимся до хрипа голосом:

– Явились! Желают посмотреть! Всех к нам! Туристы, туристы!

Я ударил ее по щеке ладонью скорее от испуга, чем от злости. Голова старушки дернулась, пенсне слетело, а за пенсне оказалась черная пустая глазница, из которой вдруг толчками потекла та самая желто-бурая жижа. Аня за моей спиной вскрикнула. Бабушка принялась растирать жижу ладонями, втирать в морщины, размазывать по подбородку и вокруг носа, обливать серым языком, продолжая бубнить:

– Заблудились, что ли? Ну так мы вам подскажем! Нам все равно делать нечего! Сидим тут целый день! Наша работа – подсказывать и наблюдать! Вот мы и наблюдаем, ага.

Неожиданно стены коридора изогнулись, вздрогнули, будто были сделаны не из кирпича или бетона, а, например, из желе. В некоторых местах набухли пузыри, с которых сочилась влага.

Нас толкнуло вперед, я едва не упал. Аня ударилась плечом о стену, стена мягко поддалась под ее весом и лопнула с громким хлопком и чавкающим звуком. Из дыры Аню окатило мощной струей густой желтой жидкости, в нос ударила невыносимая тошнотворная вонь, от которой сделалось дурно, перед глазами потемнело. Аня закричала. Из дыры в стене вывалилась старушка на стуле – мы ее уже видели, остроносую, злую. Она не падала, а так и повисла горизонтально, как приклеенная, вертя головой и размахивая руками:

– Не убежать, не убежать, кому говорят!

Я бросился к Ане, едва сдерживая позывы рвоты. Хотел схватить, прижать к себе, вытащить из этого места. Густая жижа, облепившая ее, медленно стекала, как раскаленный воск или мед – сдирая вместе с собой кожу. Аня не просто кричала, а орала. Я никогда не слышал такого жуткого болезненного крика:

– Жжет! Жжет! Я не могу двигаться! Помоги! Помоги мне! Жжет!

Желудок как будто проткнули железкой. Я упал на колени в полуметре от Ани. Меня вырвало. Глаза залило слезами. Невыносимая вонь, казалось, забралась через нос в желудок, в мозг, в сознание.

– Вам направо, милые!..

– Вертайтесь к двери с табличкой! Ни шагу назад!..

– Недолго осталось, два поворота налево, по коридору, мимо Марьи Ивановны...

– Это же наша работа – подсказывать!..

Аня упала. Кожа слезала с нее рваными окровавленными лохмотьями. Сползали волосы, обнажая череп. Жижа дымилась и растекалась вокруг. Она протянула ко мне руку – ее тонкие красивые некогда пальцы оказались в нескольких сантиметрах от моего лица. Я видел, как растворяется кожа, сползают ногти, плавятся золотые кольца, как кровь и мясо перемешиваются с желтой жижей и все это капает на пол. Вывалились глаза, отслоились мышцы, глазницы наполнились жидкостью.

– Помоги! Пом...о...ги...

Я стоял на коленях и наблюдал, как Аня растворяется. Ее нижняя челюсть отвалилась с чавкающим звуком, повисла на лоскуте мышц и упала. Хлюпнул на ковер язык.

Старушки разом захохотали. Коридор пришел в движение, содрогнулся в спазме, сжался и с силой протолкнул вопящую Аню куда-то вглубь себя, в темноту. Я вскочил было следом, но желудок свело вновь, голова закружилась, меня стошнило раз, второй, третий, пока изо рта не потекла тонкая струйка едкой желчи.

Дрожащей рукой вытащил из кармана мобильник – связи не было. Отшвырнул. Схватил зажигалку. Чиркнул. Пламя дрожало, но не гасло. Повернулся к сидящей в углу старушке. Она продолжала хохотать.

Коридор задрожал, сжался и разжался вновь, будто это был пульсирующий сосуд. Анин крик оборвался. Я повернулся и понял, что Ани больше нет. Куда-то в черноту уходил кроваво-желтый след, тянулись ошметки кожи и волос – и все.

– Ну, с-суки, получайте! – Я поднялся, пошатываясь, подошел к старушке и ткнул огнем прямо ей в волосы.

Пламя схватилось мгновенно. Старушка продолжала хохотать. Огонь пожирал ее волосы, с хрустом проглатывал вязаный свитерок, перекинулся на подол старого платья, на руки и лицо. Я стоял и смотрел. Когда же она заткнется? Когда перестанет смеяться?

Старушка уже превратилась в сплошной комок огня. Из-за моей спины кричали:

– Не положено людей убивать! Это же музей, а не Патриаршие!

К этому голосу присоединились другие голоса, скрипучие, кашляющие и хрипящие.

– Вызовите пожарную!

– Тут вандалы! А еще культурные люди, по музеям ходят!

– Зажигалку кто разрешил? Билет предъявите, говорю!

Внезапно старушка начала медленно погружаться в пол. Как будто ее заглатывали – резкими толчками, сантиметр за сантиметром.

Точно.

Заглатывали.

За спиной хохотали.

Я обернулся и увидел, что коридор был забит старушками. Какая-то безумная, сюрреалистичная картина. Старушки, сидящие на стульях и табуретках, свисали с потолка, торчали из стен, из пола, между углов, запутавшиеся в проводах и задевающие головами лампы. Некоторые выглядывали из-за штор. Другие сидели спиной или наполовину вылезали из стен. У самых ног из пола торчала голова с седыми редкими волосами и добрым лицом.

– Не надо мусорить!

– Смотрели уже экспозицию?

– Вам налево сейчас!

– В следующем зале реставрационные работы!

– Приносим извинения за неудобства!

– Ахаха! Ахаха! Ахаха!

Горящая старуха всосалась в пол с чавкающим и хлюпающим звуком. Бубнеж старушечьих голосов слился в один монотонный гул, от которого заложило уши.

Я бросился бежать.

Пол под ногами дрожал. По стенам прошла волна. Дыхнуло смрадом и гнилью. Старушки протягивали в мою сторону морщинистые руки в пятнах, усеянные густыми темно-синими прожилками, с зажатыми кроссвордами, очками, ручками, карандашами, вязальными спицами, перьями.

Я прыгнул на дверь, вышиб ее, вкатился в следующий коридор и обнаружил, что он пуст и чист. На стенах здесь висели картины. Где-то вроде бы даже играла тихая музыка. Страшные звуки как отрезало, а от резкой тишины заболели уши.

Я поднялся, не в силах надыхаться и прийти в себя, потом дрожь немного унялась, я пошел вперед. Ботинки оставляли на зеленом ковре темные и грязные следы.

Картины были спокойные и красивые. В основном пейзажи. Я разглядывал их и чувствовал, как гулко бьется в груди сердце. Во рту пересохло, очень хотелось пить.

– Вам немного осталось, – проворковал откуда-то старческий голос.

Коридор заканчивался дверью, а у двери на табурете сидела маленькая сгорбленная бабушка. Она была очень стара – морщины искромсали ее лицо, а волос на голове осталось немного. Нижняя челюсть у бабушки дрожала, будто была на шарнирах, а глаза были водянистые, как у всех здесь.

– За дверью направо, и окажетесь прямо в экспозиции, – сказала она тихо.

Я подошел ближе.

– Это сон, или я просто сошел с ума?

– А вы можете проснуться? – спросила старушка.

Я пожал плечами:

– Есть сны, в которых кажется, что проснуться не получается.

– Тогда я не смогу вам помочь. Разве что давайте проведу, куда положено. В последний путь.

Она протянула руку. Я не без сомнений взял ее влажную и холодную ладонь и сжал. Старушка ответила. Это было знакомое рукопожатие.

– Аня?

В ее седых волосах все еще оставались клочья вязкой желтой жижи. Она подняла на меня выцветшие глаза, рассматривала несколько секунд, потом сказала:

– Пойдемте! – и повела за дверь.

Мы вышли в квадратный холл, и на мгновение меня ослепил яркий солнечный свет, врывающийся в единственное окно. Я сощурился, стер выступившие слезы, увидел сквозь окно вход в музей. Туда мы вошли бесконечно долгое время назад...

Вход был укрыт от посторонних глаз густыми изумрудными деревьями, колоннами и кирпичной аркой с забором. Со стороны дороги можно было разглядеть только крыльцо и стеклянные двери. Отсюда же я видел гораздо больше.

Я различил огромный немигающий глаз, прячущийся в листве. И еще изгиб стен, похожий сначала на гигантскую приплюснутую голову, а затем на изгибающееся тело. И еще я увидел, что вход в музей был распахнутой пастью. Крыльцо – нижняя челюсть. Перила – ряд зубов. Красный кирпич на входе – раздвоенный язык.

Сейчас кто-то шел к музею, держа одной рукой велосипед. Оксана. Приехала за нами. Склонилась над телефоном и, видимо, пыталась до нас дозвониться. Она остановилась у крыльца, прямо на красном языке, прицепила велосипед к перилам, небрежно убрала телефон в задний карман и поднялась по ступенькам.

– Не надо...

Она зашла за стеклянную дверь. Пол под ногами вздрогнул в очередном спазме. Я увидел, как стремительно сомкнулись челюсти-вход, а когда разомкнулись, велосипеда у перил уже не было.

– Пойдемте, – сказала старушка знакомым голосом и потянула.

У меня не было сил сопротивляться и соображать. Мы прошли через еще одну дверь и остановились в ярком проходе перед дверью с табличкой, на которой было написано: «Экспозиция № 1».

Старушка отпустила мою руку и села на табурет в углу.

– Пойдем со мной, – предложил я. – Ань, пойдем. Тебе здесь делать нечего. Только посмотри, что оно с тобой сделало...

– Ходят тут, ходят, работать мешают. А в искусстве ноли без палочек, – пробормотала Аня скрипучим голосом, достала откуда-то из тряпья моток ниток и принялась его распутывать. С кончика ее носа капала на подол густая жижа. Капля за каплей.

Я взялся за ручку, понимая, что выхода больше нет, и потянул. Дверь отворилась. Проход наполнился звуками. Это были крики, вопли, хрипы, треск, кашель, безумный истеричный смех. Тяжело дыхнуло смрадом. Сначала я не увидел ничего, но потом в густой бордовой тем-

ноте проступили овальные стены и овальный же потолок, закругленный порожек, заканчивающийся чернотой, а еще вокруг были силуэты. Множество силуэтов. Они изгибались, извивались, дрожали, размахивали руками, вертели головами, выгибались в криках, столах и воплях. Они лежали, стояли, сидели, будто сваленные в кучу, набросанные друг на друга, сцепленные в общий клубок тел.

Кто-то мягко толкнул меня внутрь. Я сделал шаг-второй по мягкому и податливому полу, а затем ноги запнулись, и я упал. Мир закружился. Я падал к другим людям, на мне сгорала одежда, а зловоние раздирало ноздри и легкие. Я закричал. Мой крик слился с остальными.

Прежде чем упасть в переплетение обнаженных, потных, сочащихся кровью, обезвоженных и умирающих людей, я вдруг понял, куда попал.

Это и была экспозиция.

Она могла переварить всё.

Восхищение

Запись в дневнике от 14.10.2014

Мастерство заключается в восхищении. Это вам любой скажет. Пишете ли вы книгу, сочиняете стихи или музыку, снимаете фильм. Главное, чтобы продукт творчества вызывал восхищение. Финальная фраза, точка, намек, недомолвка – все это должно заставить стороннего человека воскликнуть: «Обалдеть!» или «Ничего себе!», вскочить со стула, ударить ладонью по лбу, сбросить эсэмэску друзьям или отписаться на профильном сайте. Что-нибудь вроде: «Я в невероятном восторге от этого фильма!»

Как любят писать в Интернете? +100500

Порог удовольствия современной молодежи.

Ее пик.

Муза как-то сказала, что люди не способны восхищаться объектом в целом. Они обращают внимание на детали. Человек может безучастно рассматривать картину великого художника, но, только когда его взгляд привлечет какая-нибудь мелочь, крохотная черточка, та, что крючочком затронет струны души (персонально, понимаете?), он вдруг получит удар током в центр собственного удовольствия и загорится необыкновенным чувством. Это чувство способны испытать немногие. И уж совсем редко кому удается его простимулировать.

В современном искусстве разучились восхищаться. Все поверхностно и однообразно.

Муза права. Детали важны. Если вы наберете в Интернете ее ник – muse_ravish – узнаете очень много о деталях и о том, как они приближают творческого человека к высшему мастерству.

Мы ведь о творческих людях говорим, верно?

Муза – блогер. Что-то вроде писателя, только с короткими мыслями. Краткость, говорит она, сестра таланта. В небольшую фразу на пять слов можно заключить деталей на сто лет вперед. Между прочим, я ничего не имею против.

Так вот, надо стремиться к тому, чтобы деталей было как можно больше. Чтобы каждый человек зацепился за что-то свое. Как будто ваш рассказ, картина, мелодия или скульптура – это сеть, полная острых и цепких крючков. Представили? И на каждом крючке болтается колокольчик. Чтобы вы точно знали, если кто-то в нее угодил.

Посмотрите что-нибудь из классики, и вы поймете, о чем я.

Раз! – попался еще один восхищенный поклонник.

Муза говорит, что это оргазм.

Я склонен ей верить.

Запись от 15.10.2014

Коротко обо мне, чтобы было понятно.

Мой творческий псевдоним – Слав. Ник в Интернете – classic_.

Я обожаю классику. Фильмы, книги, музыку, все дела. Классика, конечно, понятие растяжимое, но вы должны понимать, что я имею в виду. Сейчас так не делают. В современном искусстве нет восхищения, а есть штампы, ремейки, сиквелы, триквелы, переписки, заимствования, постмодерн, твиттер, новое видение и черт разберет что еще.

А я влюблен в те старинные химические реакции, которые на экране телевизора или со страниц книги набрасывают сеть с крючками и колокольчиками. Да, раньше знали толк в деталях. Наверное, и в оргазмах тоже. Сложно приблизиться к идеалу, но я пытаюсь.

Муза говорит, что нет ничего лучше финала. Когда вы и произведение искусства сливаетесь воедино, мнете друг друга, впиваетесь пальцами, взглядами, не в силах оторваться, вот-вот, еще секунда, еще одна страница, еще одна нота – и финальный аккорд, точка, титры вышибают сознание похлеще пули, размазывают мысли по стене, выдергивают нервы и играют на них что-то остервенело-ритмичное!

Это и есть мастерство, улавливаете?

Первое – детали

Второе – финал

Третье – восхищение

Скажу сразу: я не гений. Если разматывать киноленту, а на каждом кадре будет стоять имя какого-нибудь известного режиссера, то мое имя вы вряд ли найдете в первых десятках тысяч негативов. Но я стараюсь. Забираюсь выше по ступенькам-дырочкам пленки.

Во-первых, у меня есть дар.

Когда мы впервые встретились с Музой, она сразу это подметила. Сказала:

– Общаемся всего пять минут, а ощущение, что мы знакомы лет десять, не меньше.

Я ответил:

– Это потому, что мне известны твои мысли.

Я действительно вижу мысли чужих людей. Это срабатывает, когда человек сидит напротив меня и смотрит в глаза. Мы встречаемся взглядом. Щелк! Включается проектор, и в темноте зрачков зарождается свет, а в нем мелькают картинки.

Я будто смотрю кино из ваших мыслей. Не отрывайте взгляда, и я буду знать о вас все!

Щелк-щелк-щелк! Это кадры бегут один за другим. Не верьте тем, кто говорит, что двадцать пятый кадр гипнотизирует. В кино давно снимают и сорок восемь кадров и даже восемьдесят шесть. Гипнотизируют они все. В руках гениев, конечно.

На заметку: тогда я много узнал о Музе. Разведена. Двадцать девять лет. Детей нет. Любит грызть зерна кофе и курить крепкий табак. Из спиртного – глинтвейн. Любимый фильм – «Видеодром».

Ее мысли похожи на немой черно-белый фильм, где кадры дергаются, а люди ходят немного быстрее, чем на самом деле. В этих мыслях нет звука. Немое кино. Приходится додумывать сопровождение. Что-нибудь из классики, на фортепьяно.

Мы с Музой познакомились на работе. Я занимаюсь видеомонтажом в одной локальной кинокомпании, а она работает музой для всех. Следит за тем, чтобы у людей было хорошее настроение в офисе. Заваривает кофе, подбирает музыку, регулирует свет, заказывает обеды. Другие называли бы ее секретаршей или «девушкой с ресепшена», но я называю ее Музой.

Когда мы впервые ужинали вместе, она заметила:

– Ты, наверное, ловелас! Все знать о девушках и не пользоваться этим?

Добавлю: я слишком скромн, чтобы кружить головы девушкам.

Запись от 16.10.2014

Подумал: девушка не может понравиться целиком. Мы видим детали.

Это как с фильмами. Зацепить может отдельный кадр, пронзить до слез, даже если все остальное полное дерьмо. В «Криминальном чтиве» есть сцена, где герой Квентина Тарантино наливает в чашку кофе. Она длится всего семь секунд. Но я не могу оторвать взгляда. Ради этой сцены я смотрю весь фильм. Он мне нравится исключительно из-за чашки с кофе. Одна деталь. Шедевр.

Так и с девушками.

Изгиб брови, красивая грудь, цвет волос, форма губ или носа, талия, ноги.

Каждому нравится что-то свое. Каждый восхищается одной, максимум двумя мелочами, а остальное додумывает. У человека в голове есть проектор с фантазиями. Проектор включается и начинает прокручивать пленку, пускать пыль в глаза. Если, например, понравились губы, то неважно, красивое лицо у девушки или нет. В вашем внутреннем фильме появятся спецэффекты, они создадут образ, в который захочется влюбиться.

Заметьте, влюбляются только в губы. Остальное – фантазия.

У Музы эта деталь – длинные тонкие пальцы. Чрезвычайно красивые пальцы. Аккуратные овальные ногти. Тонкое колечко на мизинце левой руки. У меня дух захватывает при взгляде на эти пальчики. Мне казалось, что если Муза дотронется до меня, то придется идти к психиатру и просить таблетки от горячечной влюбленности.

Я и сейчас с ума схожу.

(вечер)

Еще в голову пришло: раньше я всегда влюблялся в девушек из-за их мыслей. Я включал проектор, глядя им в глаза, и смотрел фантазии, будто фильм. Это тоже деталь. Неважно, какой у девушки размер груди, пухлые у нее губы или нет, большие глаза или нос с горбинкой. Мне важно, чтобы кино в ее голове было интересно смотреть.

А в Музу влюбился за пальцы. Это смешно. Мне не всегда хочется ловить ее взгляд, потому что черно-белое кино в ее голове не вызывает эмоций. Только физические детали. Как странно.

Хотя, знаете, помню одну девушку с идеальным носом...

02.11.2014

Да, мы встречаемся. Странно и неожиданно. Она полностью меня понимает. Во всех смыслах.

Любовь ли это? Не знаю. Выглядит Муза влюбленной. Я за взаимные чувства.

05.11.2014_запись

Мы с ней в таких тесных отношениях, что не описать.

Муза говорит, что она на седьмом небе. Постоянно пишет в блог, что она нашла парня своей мечты.

Я восхищен.

Просто без ума. Мы проводим вместе время. Ночуем иногда отдельно – и это устраивает обоих, – но, думаю, в скором времени съедемся. Наверное, ко мне.

Я подготавливаю Музу постепенно. Знаете, есть вещи, о которых мне с ней надо поговорить. Устроит ли ее мое искусство. Уживутся ли вообще два творческих человека?

Загадка.

Некоторые детали я ей раскрыл. Издалека. Про фантазии знакомых девушек и про то, как мне нравится наблюдать за их мыслями. Муза пришла в восторг. Надеюсь, остальную информацию она воспримет так же позитивно.

Запись от 19.11.2014

Пора рассказать Музе о мечте.

Я про фильм, который отнимает чертовски много времени. Сначала я его снимал. Теперь собираю по кадрам, создаю шедевр. Технологии дошли до такого уровня, что один человек может быть режиссером, сценаристом, монтажером, мастером спецэффектов одновременно. Человек-оркестр. Проблемка в том, что я снимаю на аналоговую пленку. Дикости монтажа, понимаете? Необходимо вырезать и склеивать. Склеивать и вырезать. Чертовски много времени.

Мечта такая: снять шедевр, которым все станут восхищаться. Возродить классическое понимание произведения искусства. Чтобы детали улавливались на уровне интуиции, а в финале люди испытывали оргазм. Настоящий, без дураков.

Это будет фильм на все времена. Он уже есть в моей голове, и даже частично – на пленке. Осталось собрать конструкцию, вдохнуть в нее жизнь.

Никто еще не видел моего фильма. Он идет от души, понимаете? Это фильм о женских фантазиях. Я использую свой дар, чтобы читать мысли, а затем переношу их на пленку.

Почему фантазии женские? А какой толк с мужчин? Вы читали их мысли? Я не хочу замараться.

Никто не видел, а Муза увидит.

Первый зритель.

У любого шедевра всегда есть непревзойденный первый зритель.

Я уверен, что ей понравится.

Деталей у фильма хоть отбавляй. Если кто и может влюбиться в мое творчество, так это Муза с ее замечательными тонкими пальцами.

Завтра же достану пленку и покажу.

Запись от 20.11.2014

Я следил за ее взглядом, пока шел фильм.

О эти темно-карие глаза.

Один раз Муза сказала:

– Удивительно.

У меня что-то задрожало в груди, дыхание сбилось, я закашлял и поспешил выскочить из комнаты в кухню.

Прекрасно помню, что за окном уже темнело. Яркий фонарь освещал зеленую лужайку и одинокую пустую скамейку. Я пялился в окно, пока не заметил в отражении вошедшую на кухню Музу.

У нее было бледное лицо. Взгляд уставший.

Мне понадобилась секунда, чтобы прочесть ее мысли.

– Господи, это великолепно! – прошептала она, подошла вплотную и обвила руками мою шею.

Ее пальцы погрузились в мои волосы. Мы поцеловались (самый сладкий поцелуй в жизни).

Позже Муза сказала:

– Как тебе это удалось?

Я ответил, что все дело в хорошем монтаже и эффектах.

– Там был эпизод... – пробормотала она задумчиво, – о женщине, которая боится умереть в одиночестве. Сколько ей лет?

– Тридцать два.

– И она отчаянно ищет хоть какого-нибудь мужчину, чтобы залететь от него и потащить замуж... Бедная, несчастная женщина.

– В ее фантазиях все мужчины – это принцы на белом коне. Вообще все. Она шла по улице и влюблялась в каждое мужское лицо. Готова была сказать «да» первому встречному.

Муза села за стол, достала футляр, в котором хранила табак, и бумагу для самокруток. Повертела в пальцах. Спросила:

– А женщина, которая постоянно приходила в кинотеатр одна, чтобы подсесть к какому-нибудь парню и завести с ним знакомство, – настоящая?

– Они все настоящие. Я ничего не выдумал. Просто взял их мысли и смонтировал их в единый фильм. Пока без финала, разумеется. Не нашел ту, которая достойна финала.

– Замечательная деталь, – вздохнула Муза, открыла футляр и принялась складывать измельченный табак на прямоугольник серой бумаги. – Люди в кинотеатре расположены к знакомствам. Они сидят в мягком кресле, расслаблены, смотрят кино. Им нужно куда-то деть эмоции, а тут появляется очаровательная девушка и заводит разговор.

По кухне разлился запах сигаретного дыма. Я потянулся к форточке, но передумал. Мне почему-то захотелось сохранить атмосферу этого вечера навсегда.

– Ты первый зритель, – поделился я. – Рад, что понравилось.

20.11.14 (ночь)

Муза нужна для вдохновения. Это отправная точка любого творческого путешествия.

Без вдохновения не будет начала пути, а значит, не будет и финала. Еще древние греки об этом догадались. Уж они-то умели раскидывать сети.

Раньше это понимали. В классических фильмах четко прослеживается влияние той или иной музыки. Она – это деталь всего фильма. Вдохновение, которое не купить. Возьмите классику. Чувствуете? Это вам не сиквелы «Трансформеров». Это, черт возьми, искусство!

Перед сном я рассказал Музе, что уже давно не знакомился с девушками, у меня закончились истории, я не могу завершить фильм без нескольких деталей.

Она сказала:

– Я помогу, безусловно.

И в тот момент я догадался, что Муза появилась в моей жизни для того, чтобы фильм получился таким, как надо.

Эта мысль долго не давала уснуть. Я сидел на краю кровати и смотрел на обнаженную Музу. У нее на бедрах целлюлит, ноги ниже колена покрыты густой сеткой темно-синих вен, грудь – маленькая и некрасивая, а на животе складки. Лицом Муза, в общем-то, тоже не вышла. Разве что глаза... Но я понял, что все время бросаю взгляд на ее тонкие длинные пальцы. И, кроме них, мне в этой жизни ничего не надо.

Кто-то там, наверно, наделил людей деталями, из-за которых каждый из нас уникален. Вершина творения. Кто бы ты ни был – снимаю шляпу.

24.11.

Тороплюсь записать.

В обеденный перерыв мы вышли с Музой из офиса на улицу, под холодный дождь. Она повела меня через дорогу, мимо несущихся автомобилей, в небольшое кафе на углу. Сказала:

– Сиди и жди!

А сама убежала, будто торопилась по неотложным делам.

Я заказал кофе. Чувствовал, что от пальто пахнет влагой и сигаретным дымом. Капли дождя застыли в уголках глаз.

Прошло несколько минут, и ко мне подседа прелестная девушка.

– Это ведь вы с пятого этажа, где киностудия? – спросила она.

Я заглянул в ее глаза и понял, о чем она думает.

– Капучино и чизкейк? – Я улыбнулся. – Да, из киностудии.

Девушку звали Дашей. Муза от моего лица списалась с ней в социальной сети и пригласила выпить кофе в обеденный перерыв. Мне только оставалось внимательно ловить ее взгляд и наслаждаться фантазиями.

Даша, прекрасная Даша. У нее была замечательная деталь – родинка на шее. Хотелось к ней прикоснуться.

Мы вышли под дождь, улыбаясь друг другу, не замечая, как холодные капли падают на лица и плечи. Дошли до бизнес-центра. Мне на пятый этаж, ей на восьмой. Условились встретиться еще раз. Может быть, вечером.

Глядя ей в глаза, я узнал все, что было нужно. Не вижу причин для встречи.

Но эта родинка... Деталь. Какой эпизод для фильма!

А после обеда ко мне подошла Муза и спросила, удачный ли образ она нашла.

– О да, удачный, – ответил я. – У Даши есть несколько историй в уголках памяти.

Я думаю подняться на восьмой этаж и назначить Даше свидание на вечер. Не откладывая. Муза заставляет меня трепетать, а значит, пришло вдохновение.

Разве кто-нибудь отказывает себе в удовольствии творить, когда приходит вдохновение?

(несколько страниц вырвано)

Запись от 19.12.2014

...не ожидал, что тут будет так холодно.

Есть замечательная идея для финала. Не забыть бы.

Суть:

(страница оборвана)

20.12.2014

Поразительно.

Полтора месяца назад мне казалось, что дневник – это часть духовного письма, что-то, что принимает мои мысли и чувства. Но сейчас я держу в руках тетрадку на двадцать четыре листа, в крупную клетку, исписано всего семь страниц. Что-то вырвано. Почерк у меня не ахти, прямо скажем. Даже я сам его не всегда могу разобрать. Страницы помяты. Кое-где бурые пятнышки. Вот тут я капнул слюной. Здесь размазал гелиевую пасту. И куда подевалось духовное единение с дневником?

Улетучилось.

Итак.

Жаль, приходится писать карандашом.

Мне сказали переложить на бумагу все, что я понял. После долгих разговоров с К. Т. кое-что становится понятным. По крайней мере, я способен определить хронометраж. А эта тетрадка дала мне некое представление о деталях.

К. Т. говорит следующее: в тот день я действительно пригласил Дашу на свидание к себе домой.

(Какие же наивные девушки соглашаются в первый раз встретиться с молодым человеком у него в квартире?)

Мы поехали вместе после работы. Купили вина, сыра, какие-то закуски. Было весело. Болтали на кухне. Она спросила, почему у меня такой странный ник в социальных сетях. Я рассказал о своем увлечении. Девушкам нравится, когда парень разбирается в классике. Пусть даже даже поверхностно. Это располагает.

Она сказала:

– Мне кажется, что я знаю тебя много лет.

Я ответил:

– Это потому, что я вижу твои мысли.

К. Т. говорит: существует такой термин: «эхо мыслей», когда больному шизофренией кажется, что он слышит чужие мысли или будто его собственные мысли слышны окружающим. Иногда больной человек ставит защитный барьер, что-то вроде регулятора, который срабатывает при определенных условиях. Защитная реакция сознания. Оно стремится не допустить вмешательства в созданный мир.

Больному кажется, что, когда либо он, либо его собеседник произносит определенную фразу, надо совершить ряд действий – выстроить цепочку из деталей, которая приведет к выправлению ситуации и поставит все на свои места. Мне нельзя говорить, что я вижу чьи-то мысли. Это выбивает меня из колеи. Сознание противится.

К. Т. наливает кофе в кружку и говорит, что я – шизофреник.

У меня в голове срабатывает регулятор. Щелкает рычажок, отключающий на время сознание.

К. Т. поведал подробности. Он сказал, что я одержимый. Мне нужны чужие мысли – именно так.

В определенный момент я вышел из кухни в комнату, а вернулся с сетью, увешанной острыми рыболовными крюками. Это была рыболовная сеть, с мелкими ячейками. Крючков в ней насчитали около трех сотен – аккуратные крючки, концами внутрь. Я набросил сеть на Дашу, вышиб из-под нее стул и повалил на пол. Еще я держал в руке фонарик, который, наверное, считаю прожектором, способным освещать и извлекать мысли. Я ударил Дашу по голове тупым концом фонарика. Крючки впились в ее кожу. Несколько острых концов зацепилось за губы, за нос и глаз. Я навалился на нее всем телом и бил, бил фонариком, пока Даша трепыхалась и пыталась кричать. А когда она затихла, первым делом поднял ее веки и просветил зрачки. Я выживал из нее мысли, детали, эпизоды для моего фильма.

К. Т. говорит, что я сам поведал подробности. Мне нужна была родинка на шее. С ней связана какая-то интересная история.

Потом я содрал с Даши сетку, не сильно тревожась о том, что вокруг все запачкано кровью. Мне нужно было очень срочно вмонтировать новые кадры в незаконченный фильм.

На меня нашло вдохновение, понимаете?

К. Т. утверждает, что я не вижу никаких мыслей. Все выдумываю. Истории являются поводом, чтобы совершить преступление. Может быть, он прав. Даже в тот момент, когда я заглянул в глаза К. Т. и увидел за бликом стекол очков всю его жизнь, я убедил себя, что врачи лучше знают. Но это неважно.

Он говорит, что никакой Музы тоже не существует. Девушка, схожая по описанию, никогда не работала секретаршей или «на ресепшене» в кинокомпании. И странички в ЖЖ с ее ником нет.

А еще в моей квартире нашли снятый и смонтированный материал.

Кто-то позвонил в полицию, услышав Дашины крики. Я не помню, чтобы звонили в дверь или пытались ее вышибить (а так и случилось). Я был увлечен. Меня обнаружили в зале. Я сидел около пленочного проектора, в который был заправлен длинный лоскут свежей кожи. Только что содранной кожи.

Даша лежала на животе, обнаженная, в луже крови. Я тоже был обнажен и не обращал ни на кого внимания. Просто пялился на стену, куда был направлен луч фонарика. И еще бормотал что-то о великом фильме, монтаже, фантазиях и классике.

Говорят, я не сопротивлялся, когда был повален на пол и скован наручниками. Меня протащили, обнаженного, по лестничному пролету, загрузили в лифт, затем в полицейскую машину. А я просто, говорят, бормотал о том, что надо сменить пленку. Она кончилась. А надо сменить. Кинопленку.

20.12. (вечер)

Через небольшое окошко, с обратной стороны которого решетка, растекся унылый осенний пейзаж. Льет дождь. Сгущаются сумерки. Вид удивительно похож на тот, что я видел из окна своего дома. Хотя осенью везде все одинаково. Мрачно и уныло.

К. Т. попросил перечислить всех девушек, фантазии и мысли которых я запечатлел в своем фильме. Это несложно.

Я помню по порядку, начиная с Насти, которая трепетно относилась к браку и терпеть не могла, когда при ней разговаривали о детях. В ее мыслях читалось острое желание с кем-нибудь переспать. Я предоставил ей такую возможность. Мы встречались три месяца. Ее мысли не были для меня секретом. Деталь, заставляющая восхищаться Настей: шрам на переносице. Тонкий белый шрам. Собутыльник ударил Настю по голове бутылкой, и осколок стекла рассек кожу. Настя сняла туфлю и ударила собутыльника каблуком в глаз. Ее чуть не посадили за причинение тяжкого вреда здоровью. Но Настя каким-то чудом выкарабкалась.

Этот шрам будоражил во мне странные чувства. За милым Настиным личиком скрывались агрессия, злость, неуступчивость. Иногда она просила ее связать. Запихнуть в рот тряпки. Сдавить сильнее ее шею. Называть ее... да я даже слов таких не знал!

Однажды мы лежали на кровати и смотрели фильм. Это был скучный и серый фильм. Я хотел спать. Настя курила. Она сказала вполголоса:

– Не умеют сейчас снимать. Вот раньше от фильма можно было получить оргазм. Эстетический оргазм, черт побери. Он восхищал.

Я ответил:

– Кризис жанра. Всех волнуют деньги, а не чувства.

– Ты же связан с кино. Взял бы да снял что-нибудь этакое. Чтобы за душу хватало. Снимешь?

Я пожал плечами. Человек, меняющий пленку в проекторе и занимающийся линейным монтажом, имеет мало общего со съемкой фильма. Но мысль мне понравилась.

Именно тогда я начал готовить сеть с крючками. От колокольчиков отказался. Мне нужно было приковать внимание, выудить фантазии из Настиной головы. Забрать ее мысли.

А как-то раз она сказала:

– Мне кажется, мы с тобой знакомы много-много лет.

– Это потому, что я читаю твои мысли, – ответил я.

Так начались съемки.

(вырвано несколько листов)

31.01.2015

Сегодня ночью ко мне приходила Муза. От нее пахло кофе и сигаретами.

Знаете, я уже начал сомневаться в ее существовании.

Как там говорил К. Т.?.. «Первая стадия лечения – отрицание».

Я отрицал тебя, Муза. Все эти долгие осенние и зимние дни я только и занимался, что отрицал.

Чертовы врачи. Их не интересует финал. Лечение больного для них – это плавное движение по реке, без начала и без конца. Какие же тут, к черту, детали, когда нет цели?

В общем, Муза пришла. Она вышла из темноты (я всегда подозревал, что в том углу кто-то прячется!), присела на край кровати, взяла меня за руку (о эти длинные тонкие пальцы!) и сказала:

– Пора уходить!

– Господи, куда же я уйду отсюда?

– Ты не помнишь, о чем мы договаривались?

Я не помнил ничего. Передо мной на коленях лежала тетрадь. Я дописывал последнюю историю. Ту, что была до Даши. Эпизоды фильма, который существовал только в моей голове.

– Мы договаривались, что ты уйдешь отсюда, как только закончишь вспоминать о своих жертвах, – напомнила Муза. – Был такой разговор.

Я непонимающе смотрел на нее:

– Когда?

Муза едва заметно улыбнулась и рассказала.

Муза пришла ко мне, когда Даша никак не желала умирать.

Я бил Дашу по голове фонариком. Она извивалась подо мной, стонала, просила о помощи. Всюду была кровь. Крючки раздирали ее молодую нежную кожу.

Муза опустилась рядом на корточки, взяла Дашу за голову и придержала ее, чтобы мне было удобнее бить. Когда Даша затихла, Муза сказала:

– Ну, вот и все. Это финал. Бери родинку и заканчивай.

Про родинку мы обговорили за день до этого. Муза позвала меня на обед и сообщила, что нашла прекрасную девушку, которая закончит мой фильм.

Но дело было не в фантазии девушки. И даже не в том, что в ее голове оказались замечательные детали. Дело было в том, что Муза хотела, чтобы я перестал убивать женщин.

– Твой фильм – это нечто гениальное. Но мы не сможем жить вместе, если ты будешь продолжать убивать. Рано или поздно тебя поймут, – говорила она. – Поэтому пора заканчивать. Любое произведение искусства имеет финал. Его нельзя затягивать, а то выйдет совсем нехорошо.

– И как это сделать?

– Сконцентрируйся на родинке. Из-за нее тебя завтра арестуют и поместят в психиатрическую клинику. Чтобы ты больше никого не убил.

– Арестуют?

– Именно. Внутри твоей головы.

Она именно так и сказала: внутри твоей головы.

Родинка – это концентрация на мысли. Я создам в голове образ палаты, из которой не смогу выбраться, пока не пойму, что завершил фильм. Я буду полностью убежден, что сижу взаперти, что за мной наблюдают, что меня исследуют. Я возьму тетрадь и буду записывать в нее все убийства, которые совершил. Выстрою цепочку. Напишу инициалы. Наполню сюжет деталями. И в конце концов доберусь до Даши, чтобы поставить крохотную коричневую точку. Ее родинка – это финал, после которого придет восхищение.

Я смотрел на родинку. Кожа вокруг нее была усыпана мелкими каплями крови. Муза из-за спины шептала:

– Сконцентрируйся! Придай образ! Поверь!

И я поверил.

В темной палате пахло сыростью и хлоркой. Муза все еще держала меня за запястье. Я не мог отвести взгляда от ее длинных тонких пальцев. Тетрадь в моих руках дрожала.

– Я могу уйти отсюда прямо сейчас?

– Все это в твоей голове. Ты справился. Я читала твои записи все эти дни. Подробное описание каждого убийства. Мотив. Повод. Желание. Настал черед поставить точку. Все готово. Как только фильм будет завершен – ты никого больше не убьешь.

Мы поднялись одновременно. Палата исчезла. Я оказался в собственной кухне. В пепельнице на подоконнике тлела самокрутка. Электрический свет ударил в глаза. На столе на раз-

делочной доске лежал аккуратный лоскут пожелтевшей кожи, в центре которого крохотным пятнышком выпирала родинка.

– Я сделал все это ради тебя?

Муза кивнула. Я начал постепенно вспоминать все, что произошло. Наши с ней разговоры, встречи, нашу влюбленность, время, проведенное вместе.

– И... что мне делать с этим? – Впервые за много лет я испытал страх.

– Ты же знаешь, как монтировать, – ответила Муза. – Вставь этот эпизод и наложи титры. Фильм будет закончен. Мысли женщин тебе больше ни к чему.

Я осторожно взял лоскут кожи и прошел с ним в комнату, держа перед собой, словно нечто священное. Лоскут был подготовлен – аккуратный квадратик с перфорацией, крохотная маркировка: К. Т.

Отличная работа. Я не запомнил, как делал и где хранил.

В комнате все уже было готово. Муза отлично постаралась. На полу были разложены детали двадцати четырех девушек, которые участвовали в съемках фильма. Фаланги их пальцев. Носы. Глаза. Кожа.

Помните, я писал, что ценю в девушках лишь их фантазии? Так вот это была ложь. Только живые детали могут зацепить. Только красота. За красотой скрывается история. Классики это знали. А мы – нет.

Проектор стоял в центре. Рядом с ним на катушке намотан ровный восьмимиллиметровый рулон. Устройство для монтажа включено. Светится крохотная белая лампочка. Все как надо.

Я подошел, присел на корточки, быстро произвел обрез, клейку, зацепил последний кадр.

– Мы теперь навсегда будем вместе, – пробормотала Муза из-за спины.

А я знал, что все это – ложь.

Муза была конченной психопаткой. Вела блог, в котором рассказывала об изнасилованиях и убийствах. Много тысяч подписчиков, куча денег за рекламу, приз за самый скандальный блог Рунета.

Когда она узнала, кто я на самом деле, то решила провести эксперимент – сможет ли шизофреник вылечиться самостоятельно? Несколько недель она вела кропотливые наблюдения. Выкладывала в закрытом блоге заметки и фотографии. Анализировала. Собирала лайки. Нарывалась на комментарии. Обсуждала с незнакомцами пути моего самоизлечения. А потом подбросила мне эту несчастную девушку с родинкой и убедила создать в голове тюрьму, из которой не выбраться без ее помощи.

Популярность ее блога взлетела до небес.

Видел фотографию: я лежу на диване, поджав ноги. Полностью обнажен. Голова вывернута в неестественной позе, рот приоткрыт, слюна стекает по подбородку. Ладони зажаты между костлявых коленок. Подпись: «Самоизлечение через тюрьму самосознания».

Мне кажется, Муза заиклена на слове «само».

Проклятье! Это вам не классика. Сейчас главную роль в любом искусстве играют деньги, а не вдохновение. Каждый зарабатывает как может.

Она как-то сказала, что блог – это ее искусство. Ее выражение мыслей. Современный амфитеатр, где облаченные в женщин мужчины разыгрывают древнегреческие трагедии. А я, стало быть, превратился в актера, за которым восхищенно наблюдают десятки тысяч глаз подписчиков.

Только Муза забыла об одной детали.

Я видел ее мысли с самого начала.

Мне приходилось записывать каждый свой день, чтобы не забыть, где реальный мир, а где нет. Я выбирался из воображаемой палаты, когда Муза была на работе, и читал ее блог,

следил за тем, как она нахваливает себя и забрасывает в блогосферу крючки восхищения в погоне за популярностью и деньгами. Никак не может остановиться.

Мерзкая, мерзкая девка.

Я вырывал записи и прятал их, чтобы Муза получала только ту информацию, которую нужно.

О, она даже не догадывалась о том, в каком месте эксперимент провалился.

Она пришла, чтобы поставить последнюю точку в наших отношениях. Ей, видите ли, нужно закончить запись в блоге. Снять сливки. Завершить произведение.

А у меня припасен сюрприз. Я готовил его несколько дней.

Поймите же, мне на хрен не нужна была эта дешевая родинка. Это не финал. Никто не будет восхищаться лоскутом кожи.

А вот тонкие длинные пальцы – это очень круто.

Погодите минуту. Последнюю минуту.

Я заставлю Музу дать мне логин и пароль от ее блога. Я выложу туда фотографии ее пальчиков. И ее лица, укрытого новенькой сетью с рыболовными крючками. И ее вырванного гнилого языка.

Напишу: «Эксперимент не удался, друзья. Шизофреник не может излечиться самостоятельно. Ведь он не убивает людей. „Эхо мыслей“ – так, кажется. У него в голове срабатывает регулятор, понимаете? Можете ставить лайки или говорить, что фильм говно. Но финал, я считаю, удался».

У Музы не будет точки в ее прекрасных записях. Никто и никогда не узнает, что я сделаю с прекрасной девушкой «с ресепшена». Она просто исчезнет вместе с мыслями, образами и длинными красивыми пальчиками.

Деталь, восхищение, титры.

Дальние родственники

В то утро из кухни непривычно лился свет: желтые блики размазались по коридору и отражались от зеркала у входной двери.

Настя обычно просыпалась раньше родителей и первой нарушала ночную предрасветную тишину квартиры. Ей нравилось идти по темному коридору, будто сквозь остатки растворяющегося сна, и представлять себя персонажем книги, вроде вампира из «Сумерек».

Пока чистила зубы, услышала, как кто-то прошел мимо ванной, шаркая тапочками. Звуки были чужими. В семье никто не шаркал. Затем раздался слабый скрип, словно решили достать с балкона старый велосипед. До Насти донесся женский шепот:

– Эдик, ну я тебя умоляю!

Кто-то кашлянул.

Настя умылась и прошла на кухню, заранее приветливо улыбаясь.

Ночью должны были приехать какие-то дальние родственники. Папа нашел их через Интернет, когда полгода назад увлекся идеей собрать генеалогическое дерево Пыревых. Родственники были то ли по бабушкиной маме, то ли по дедушкиному племяннику. Настя не сильно разбиралась. Папа с ними долго и радостно переписывался в социальной сети, а затем пригласил в гости на недельку.

– Вы с Сонечкой, кстати, ровесницы! – воодушевленно говорил он Насте. – Тебе тринадцать, и ей около того. Найдете общий язык. В парк Горького смотаетесь, Москву-реку покажешь, Кремль. Что там у нас еще есть интересного? Здорово же, правда? Вот так живем, живем и не знаем, что у нас родня по всему свету раскидана!

Настя не то чтобы сильно воодушевилась, но ей стало любопытно. В Москве они жили одни. Недавно умерла бабушка, больше никого не осталось, а тут вдруг новые родственники появились, как в сказке. Вдруг и вправду похожи? У Насти вон нос с горбинкой, а на светлоголубой радужке черные точки. Говорят, это генетическое, передается всем, с кем имеешь родство.

... На диване между холодильником и окном сидел, развалившись, пузатый коротконогий мужчина. У него были седые усы, свисающие вниз, как у казаков в фильмах, и короткие редкие волосы, тоже седые. Он закинул ногу на ногу (на левой болталась тапка, а правая была вовсе без тапки) и поглаживал обнаженный живот. К слову, одет он был только в короткие шорты.

Настя сразу заметила, что правого глаза у мужчины попросту нет – вместо него пустовала затянутая кожей глазница, испещренная тонкими белыми шрамами. А левый глаз как-то странно закатился под припухшими веками и зрачком смотрел вправо и вверх. Разглядеть, есть ли на радужке черные пятнышки, было невозможно. Настя бы и не решилась. Мужчина сразу ей не понравился. Было в нем что-то отталкивающее, как будто в чистую и уютную кухню забрался вдруг большущий таракан и развалился на диване, одним своим присутствием вызывая желание быстрее отсюда уйти.

Чуть поодаль, у стола, сидела в инвалидном кресле женщина – большая, бесформенная и рыхлая. Одета она была в потрепанный халат, который, казалось, готов был разойтись по

швам от неосторожного движения. Настя несколько секунд не могла отвести взгляда от растекающихся по обнаженным рукам женщины выпуклых, набухших вен темно-синего цвета. Инвалидное кресло у нее было такое же – большое, старое, разбухшее, покрытое то тут, то там кляксами шелушащейся ржавчины, с кривыми колесами.

Вроде бы должна еще быть Соня? Спит, наверное.

– Доченька! – с присвистом шепнула женщина, заметив Настю на пороге. – Зайка, ты, должно быть, Настенька, да? На папу-то как похожа!

– Вылитая, – равнодушным голосом произнес с дивана мужчина и почесал живот. – Красавица растет.

Настя поняла, что больше не улыбается. В ее представлении дальние родственники выглядели... немного по-другому.

– Заинька, родимая, помоги, пожалуйста, а? – продолжала женщина. – Тетя Маша хотела завтрак приготовить, а не получается. Дотянуться не могу. Высоко тут у вас. Где крупа гречневая, не знаешь?

Настя заметила, что на коленях у женщины лежит маленькая алюминиевая кастрюлька, в которой мама обычно варила крупу.

– Я уже все перерыл, – добавил мужчина. – У вас тут, как это самое. Ничего не найти.

Гречка, вообще-то, стояла на видном месте на полке над плитой. Настя обогнула тетю Машу, достала банку, поставила на стол. От кресла или от самой женщины пахло старостью, пылью, влагой. Знакомый был запах. Год назад он просачивался под дверь бабушкиной комнаты и впитывался в стены квартиры, пока бабушка умирала. После ее смерти папа открыл все окна и вывез семью на дачу на два дня. Но даже когда вернулись, Насте казалось, что в особо укромных уголках запах старости обитал и расплзался. Его так просто не изжить. Раз поселился – то надолго.

Тем временем тетя Маша ухватила за колеса кресла, напряглась так, что задрожали складки на руках и под подбородком, и с силой толкнула кресло вперед. Колеса закрипели, зацепились за край половика и замерли. Тетя Маша напряглась снова – Настя разглядела взбухшие синие жилки на висках, – но коляска больше не двигалась.

– Ничего сделать не могу, проклятая инвалидность! – Голос тети Маши задрожал. – Ну кто же знал, что так все обернется, а? Ступай, доченька. Нечего на калек разных смотреть. Я тут как-нибудь сама разберусь. Дядя Эдик поможет. Он хоть и слепой, но кое-что видит. Не все у него трагедия забрала. Скажи только, где масло взять и спички. А дальше мы уж сами, привыкшие. Я ему, значит, говорю, а он делает. Так и живем. Одна без ног, второй без глаз. Ребенка еще растим хорошим человеком, стараемся.

– Давайте помогу... – пробормотала Настя. Эти люди, казавшиеся минуту назад некрасивыми и неуместными на кухне, сделались вдруг совсем другими – несчастными, потрепанными жизнью, как халат на тете Маше. Даже стыдно стало. Вот так, не разобравшись, причесала всех под одну гребенку.

– Я сама, заинька, спасибо... – В голосе тети Маши чувствовались нотки робкого самоуважения, словно та хотела доказать, что справится, что не такая уж развалюха, как может показаться. Она переложила кастрюльку с колен на стол, впиалась пальцами в колеса, напряглась, толкнула и медленно подкатила к плите. Лицо ее покраснелось и вспотело. Настя представила, как эта несчастная женщина будет сейчас возиться с готовкой.

– Все же давайте я. – Она взяла банку. – Знаете, мне еще сорок минут до школы, быстро управлюсь.

Она действительно управилась быстро, приготовила гречку, заварила чай, намазала несколько бутербродов. Тетя Маша откатилась к дивану (вместе с ней исчез и запах, который тревожно лез в нос и постоянно возвращал Настины мысли к умершей бабушке), и они с дядей

Эдиком смотрели на нее с благоговейным трепетом (вернее, непонятно было, куда смотрит дядя Эдик, потому что глаз его словно ощупывал потолок).

– Прелестница! – время от времени восклицала тетя Маша.

– Завидую, – говорил дядя Эдик безо всяких интонаций. – Когда-то и мы были молодыми, кровь с молоком.

По кухне разнесся аромат свежего чая, напомнивший, что уже все-таки утро, пусть и темное, зимнее, а за окном мороз, а в школе первые два урока – физкультура, которую Настя недолюбливала, потому что надо было прыгать через «козла» перед всем классом. Мысли о школе словно выдернули Настю из полудремы, она посмотрела на настенные часы и обнаружила, что выходить уже через десять минут.

– Мне надо бежать, – сказала она извиняющимся тоном. – Вроде завтрак готов.

– Спасибо, золотце. Радость мамина и папина! Совсем уже большая выросла, самостоятельная! – запричитала тетя Маша, елозя в скрипучем кресле. От каждого ее движения с кресла сыпалась на линолеум мелкая рыжая крошка ржавчины. – Я вот тоже так хотела, чтобы помощница в доме была. Как там говорят? «Сначала нянька, потом лялька». Да вот не дал Бог второго ребеночка. Да и первый... что я тебе рассказываю, солнышко. Беги в школу скорее, а то опоздаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.